

«НЕВЕРОЯТНО СВЕЖО И ОРИГИНАЛЬНО».

К. С. Пакат

ТОЛЬКО МОНСТР

*В каждой истории есть герой
и есть монстр. Она — не герой.*

ВАНЕССА ЛЕН

Темная романтика Ванессы Лен

Ванесса Лен

Только монстр

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

Лен В.

Только монстр / В. Лен — «Эксмо», 2022 — (Темная романтика Ванессы Лен)

ISBN 978-5-04-178090-6

Джоанне шестнадцать. Она гостит в Лондоне у эксцентричных родственников, подрабатывает в музее и влюблена в обаятельного коллегу Ника. Всё меняется, когда девушке открывается пугающая истина: её семья и она сама – монстры. Они способны путешествовать во времени, и для этого крадут жизни других людей. А Ник – не просто милый парень: он легендарный убийца монстров. Чтобы уничтожить ненавистных чудовищ, он готов на всё. Желая спасти себя и свою семью, девушка объединяется с красивым и безжалостным Аароном Оливером, наследником другой семьи монстров. Но куда важнее принять саму себя. Ведь в этой истории она – не герой... Австралийский бестселлер, рекомендованный К. С. Пакат. История о борьбе чудовищ и героев, рассказанная от лица чудовища. Переворот стереотипов, приключения и путешествия во времени. Восторженные отзывы русских книжных блогеров. Потрясающе красивая переливчатая обложка. Для поклонников Кассандры Клэр, К. С. Пакат и Керстин Гир.

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-178090-6

© Лен В., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
1	8
2	12
3	18
4	26
5	36
6	45
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ванесса Лен

Только монстр

Моей семье с любовью

Vanessa Len

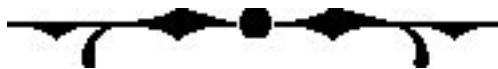
ONLY A MONSTER

Copyright © 2022 by The Trustee for Vanessa Len Trust

© О.С. Бурдова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Когда Джоанне было шесть лет, она решила непременно стать Суперменом, когда вырастет, о чем сообщила отцу, также уведомив о необходимости подобающей экипировки для тренировок. Он никогда не любил понапрасну тратить деньги, поэтому нарисовал большую букву S на голубой футболке дочери и дал красный платок, который она могла использовать в качестве плаща. Джоанна каждую ночь надевала этот наряд, ложась в постель.

– Супермен? – фыркнула бабушка, когда внучка приехала погостить к ней в Лондон тем летом. – Ты вовсе не герой, малышка. – Затем наклонилась ближе, словно поверяя секрет, и добавила: – Ты монстр. – Она произнесла последнее слово так, будто говорила о каком-то особенном существе вроде эльфов.

Джоанна помогала бабушке заправлять кровать в гостевой спальне, надевая наволочки. В комнате пахло свежестыраным постельным бельем. Утреннее солнце заливало все помещение, даже в самых дальних уголках не осталось теней.

– Монстры выглядят как огромные пауки, – прокомментировала Джоанна. – Или ожившие роботы. – Она посмотрела достаточно мультфильмов, чтобы разбираться в этом вопросе.

Бабушка иногда шутила, сохраняя серьезное выражение лица. Возможно, сейчас был как раз такой случай. Но ее глаза не блестели от сдерживаемого веселья, а сама она казалась озабоченной, вздохнув:

– Только выдуманные. Настоящие монстры выглядят как мы с тобой.

Девочку это сравнение поставило в тупик. Они с бабушкой совершенно не были похожи друг на друга. Джоанна уродилась в отца, который переехал в Англию из Малайзии в восемнадцать лет, и унаследовала фамильные черты семейства Чен: округлое лицо с веснушками, миндалевидные глаза и гладкие черные волосы.

Бабушка же казалась почти копией своей дочери с фотографий: копна рыжих кудряшек и пронизывающие зеленые глаза. Иногда Джоанна видела в зеркале похожее выражение на собственном лице – подозрительный прищур, внимательный и настороженный. «Взгляд семьи Хант», как называла это бабушка.

Она разгладила последние складочки на пуховой перине и присела на край постели. Теперь они с внучкой оказались одного роста.

– Монстры – всегда злодеи, – скептически заметила Джоанна, вспоминая мультфильмы, в которых страшные существа прятались под кроватью, чтобы затем напасть с неестественным, кровожадным смехом.

А еще они ели людей. Когда миссис Эллери, учительница в школе, рассказала, что уроженцы Китая употребляют в пищу кошек и собак, Джоанна ощутила себя причастной к категории негодяев, но с тем же бурлящим внутри возмущением, что и сейчас. Она не была злодейкой. Не была, и все тут!

Почему-то слова внучки вызвали у бабушки улыбку.

– Иногда ты так похожа на свою маму.

Джоанна не понимала, какое это имело отношение к их разговору о монстрах, но оставила возражения при себе, в надежде что бабушка скажет что-нибудь еще. Она почти никогда не упоминала о погибшей дочери в присутствии внучки, которая тогда была еще совсем маленькой. Дома фотографии мамы стояли на телевизоре и висели на стене гостиной, но в лондонском особняке бабушки находились лишь картины с изображением пейзажей и старых развалин.

– Папа говорил, она была умной, – рискнула подтолкнуть беседу в нужном направлении Джоанна.

– Очень умной, – подтвердила бабушка, глядя внучку по волосам. – Умной и упрямой. Тоже не верила ни во что, пока не получит доказательств.

С этими словами, не дав Джоанне времени на расспросы, она протянула руку вверх и дернула, словно срывала с невидимого дерева невидимое яблоко. Волосы на голове девочки зашевелились, хотя она не могла сказать почему.

Когда же бабушка разжала пальцы, на ее раскрытой ладони лежал предмет, сверкавший золотом, как утреннее солнце. Монета. Джоанна никогда не видела такой: с изображением крылатого льва на одной стороне, и короной – на другой.

– Я знаю этот трюк, – приходя в себя, прокомментировала внучка. Кузина Рут проделывала такой же номер с пуговицей, заставляя ту исчезать и появляться: прятала между пальцами, а потом снова выкатывала на ладонь. – Называется ловкость рук.

– Можешь так? – спросила бабушка, отдавая монету внучке. Золотистый кружок оказался гораздо тяжелее, чем выглядел. – Можешь заставить ее исчезнуть?

Трюк Рут был довольно сложным, и Джоанна сумела повторить его успешно лишь дважды, уронив пуговицу остальную сотню раз во время тренировок. Однако бабушка ждала, поэтому Джоанна попыталась проделать номер, убрав монету между большим и указательным пальцами так, чтобы та не выпала, сохраняя баланс.

– Нет, по-другому, – покачала головой бабушка. – Тем же способом, что и я. – С этими словами она вернула монету на ладонь внучки и сомкнула ее пальцы в кулак. – Как делают монстры.

«Но я не монстр, – подумала Джоанна. – И не хочу им быть. Не хочу быть злодеем».

Бабушку тоже язык не поворачивался назвать монстром. Они проводили вместе каждое лето. Она утешала внучку, когда той снились кошмары. А когда во время прогулки в парке нашла раненую птицу, то завернула ее в шарф и ухаживала до тех пор, пока бедная пичуга не поправилась и не начала снова летать. Разве монстры могли так себя вести?

Джоанна сосредоточилась на весе монеты в руке, пока не перестала его чувствовать, и только тогда разжала пальцы, продемонстрировав бабушке пустую ладонь.

– Вот так и делают монстры, – одобрительно и тепло улыбнулась та, после чего добавила: – Но нужно соблюдать одно правило при этом.

– Правило? – переспросила Джоанна.

Дома отец тоже устанавливал правила поведения: как следовало и не следовало поступать в определенных ситуациях. Воровать – плохо. Помогать людям – хорошо. Врать – плохо. Слушаться учительницу – хорошо.

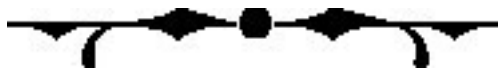
Однако в семье Хант, похоже, был принят совсем иной набор правил. Воровать и врать допускалось, но только тогда, когда дело касалось посторонних. – Главное – всегда возвращать долги и хранить верность родным. Вот что считалось основным достоинством.

– Мы прячемся у всех на виду, – сказала бабушка. – Ты понимаешь, что это означает?

Воцарилась тишина. Даже птицы за окном, казалось, перестали щебетать. Джоанна отрицательно покачала головой. Хотя на морщинистом лице собеседницы сохранялось доброжелательное выражение, голос звучал очень серьезно:

– Это означает, что никто не должен проведать, кем являются члены нашей семьи. Кем являешься ты. – И совсем тихо бабушка добавила: – Никому и никогда не рассказывай о монстрах.

1

Джоанна пригладила волосы и последний раз заглянула в зеркало, которое висело в коридоре. Сегодня ей предстояло свидание. С Ником. Они вместе работали волонтерами в музее во время летних каникул. Она была без ума от обаятельного парня. Как и все другие девушки.

Вчера он пригласил Джоанну прогуляться, кусая при этом губы и нервничая, словно она могла ответить «нет». Словно ее сердце не замирало каждый раз, как они оказывались в одном помещении.

Глаза в отражении затуманились и приняли мечтательное выражение.

Теперь же они с Ником проведут вдвоем целый день! Их маршрут начинался с завтрака в кафе на Кенсингтон-Хай-стрит. Джоанна взглянула на телефон. Еще час – и можно отправляться.

Она призналась самой себе, что тоже нервничает. Хотя к волнению примешивалась и немалая доля предвкушения. Они с Ником постепенно сближались все лето, но сегодняшнее свидание символизировало начало нового этапа отношений.

С первого этажа донесся смех. Джоанна сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Двоюродные брат с сестрой уже проснулись. Их знакомые и привычные пререкания становились все громче по мере спуска по лестнице.

– Лучшая подделка в Национальной галерее? – поинтересовался двоюродный брат Берти.

– Легко! – тут же откликнулась кузина Рут. – Моне, «Пруд с кувшинками».

– Это не подделка! – возразил собеседник.

– Я остаюсь при своем мнении.

– Нельзя просто назвать первую пришедшую на ум картину!

Одoleвая последние ступени, Джоанна уже улыбалась. Основную часть года она проводила с отцом в Милтон-Кейнс и наслаждалась спокойной жизнью там, но любила также и шум-гам бабушкиного особняка, с нетерпением ожидая очередной поездки к ней каждое лето.

На кухне Рут уже взгромоздилась на сломанные батареи под окном. В свои семнадцать она была на год старше Джоанны и их двоюродного брата Берти, но сегодня утром выглядела совсем ребенком в серых пижамных штанах из фланели и футболке с трансформерами. Темные кудри обрамляли миловидное лицо.

– Посмотри, там в шкафчике есть чай? – попросила Рут Берти.

– Только травы, которые заваривает бабушка, – ответил он, скосив один глаз и слегка наклоняя голову, но не отрывая при этом взгляда и от сковороды, где жарились грибы и помидоры.

Казалось, что двоюродный брат собирается на вечеринку в стиле 1920-х годов с катанием на лодках по Темзе: его черные волосы украшала соломенная шляпа. Говоря начистоту, все члены семьи Хант обладали весьма необычным чувством стиля и одевались экстравагантно.

– Фу, отрава, – прокомментировала Рут. – На вкус как... – она осеклась, заметив в дверях кухню, смерила взглядом ее новое платье и уложенные волосы, после чего медленно расплылась в ехидной улыбке.

– Даже не начинай, – тут же предупредила Джоанна, но опоздала.

– Вы только посмотрите на эту красотку, – уже расхохоталась Рут.

– Собираешься на собеседование? – поинтересовался Берти. – Я думал, ты пока работаешь волонтером в том музее.

– Я завтракаю кое с кем, – неохотно отозвалась Джоанна, чувствуя, что краснеет.

– Разделась как на свидание, – отметила Рут и тут же картинно схватилась за сердце: – Спорим, что они потом пойдут в V&A смотреть на средневековый текстиль? Романтика в стиле настоящих ботаников.

– Почему сразу для ботаников? – запротестовала Джоанна, не в состоянии, однако, сдерживать улыбку. – В музее Виктории и Альберта есть и другие вещи. Например, исторические костюмы, старинные обои... керамика...

– Роман, достойный войти в легенды, – продолжила Рут, откидываясь спиной на окно и по-прежнему не отрывая руки от груди. – Два помешанных на истории ботаника вкалывали волонтерами в музее все лето, пока однажды, подметая полы, не встретились взглядами...

– Вам бы тоже не повредило хоть иногда помочь там, – фыркнула Джоанна, затем подошла к кухне и стащила с ее тарелки один из тостов. – Это даже интересно. Совсем недавно нас учили, как реставрировать разбитые изделия из керамики.

– Когда-нибудь я запишу на диктофон твои высказывания, чтобы ты сама послушала, насколько абсурдно они звучат, – усмехнулась Рут, после чего изобразила робота и заговорила механическим голосом: – Я Джоанна. Я люблю приносить пользу обществу. Я такая зануда, что перехожу дорогу только на зеленый свет.

– Ага, именно так я всегда и разговариваю.

Хотя Рут и была взрослее Джоанны, но в их отношениях всегда все обстояло наоборот: первая считала, что правила предназначены для других, второй же приходилось играть роль старшей сестры, отбирая у кухни украденные в магазине предметы и возвращая их или таща ее за собой к светофору, чтобы помешать той пересекать улицы в неполюженном месте.

Рут поддразнивала Джоанну, называя пай-девочкой, но по-доброму, любя. Они знали друг друга слишком давно, чтобы пытаться изменить чужую натуру.

– Выкладывай, – так же тепло произнес Берти, ставя на стол сковороду с обжаренными помидорами и грибами. – Расскажи нам все.

– Дай нам погрузиться в историю любви ботаников хоть с твоих слов, – ухмыльнулась Рут.

– Он мне нравится, – призналась Джоанна, шутливо пиная кухню.

– Да ты что? – протянула та с демонстративной терпеливостью человека, которому приходилось все лето выслушивать восторженные рассказы о Нике, затем схватила вилку и наколола гриб со сковородки.

– Остальное вы знаете. Этим утром мы договорились позавтракать вместе, а потом прогуляться по музею декоративно-прикладного искусства.

– Ага, – подмигнула Рут. – А там вы, два чокнутых любителя истории, занываетесь за какой-нибудь экспозицией и... – она вытянула губы к грибу и зачмокала: – М-м, м-м...

– Эй! – возмущенно окликнул ее Берти. – Я вообще-то готовил их не для того.

– М-м, м-м...

– Даже не хочу знать, что вы там обсуждаете, – раздался с лестницы голос бабушки.

– Мне как раз пора выходить! – заверила Джоанна до того, как кто-то из родных успел хоть что-то сказать. – До скорого!

– Куда это ты собралась? – осведомился дядя Гас, спускавшийся по ступеням.

– У нее свидание! – проинформировала его Рут.

– Подожди, я хочу узнать все о том молодом человеке, с которым вы встречаетесь! – воскликнула тетя Ада, шагавшая следом за мужем.

– Потом расскажу! – выкрикнула Джоанна, выбегая из кухни и спеша прочь по коридору.

– Так с кем свидание-то? – поинтересовалась тетя у остальных.

– С парнем, по которому наша пай-девочка сохнет все лето, – хихикнула Рут.

– Они будут целоваться, разглядывая средневековый текстиль, – почти пропел Берти.

– Пока-пока! – крикнула на прощание Джоанна, невольно рассмеялась и выскочила из дома.

Она продолжала улыбаться, шагая по улице Лексхэм-мьюс, затем свернула на Эрлс-корт и оказалась на Кенсингтон-Хай-стрит. Стояло теплое лето, и нагретый воздух обещал еще один жаркий день.

Когда Джоанна уже приближалась к кафе, пришло сообщение от Ника: «Я уже в метро». Она глубоко, удовлетворенно вздохнула. Значит, он тоже решил явиться раньше оговоренного срока и находился менее чем в пятнадцати минутах отсюда. До сих пор не верилось, что им предстояло провести целый день вдвоем, наедине. При этой мысли Джоанна начала нервно кусать губы.

В кафе она подошла к стойке, заказала чашку чая и села с ней за столик возле окна. Солнечные лучи падали через стекло, согревая лицо.

Джоанна уже достала телефон, чтобы ответить на сообщение Ника, когда ощутила порыв ветра. Сквозняк проник из открывшейся за ее спиной двери. Следом раздался грохот, который повлек бы за собой всплеск насмешек, если бы дело происходило в школьной столовой. Как и все посетители кафе, Джоанна обернулась на шум.

Перед опрокинутым столиком стоял мужчина и растерянно моргал, рассматривая осколки разбитых тарелок и стекол на полу с таким недоуменным видом, будто беспорядок устроил кто-то другой. Затем пробормотал:

– Я хочу купить цветы.

– Снова этот тип, – простонал официант, который стоял неподалеку от Джоанны, после чего повысил голос, обращаясь к другому сотруднику кафе: – Рэй, принеси пылесос! Опять этот пьяница вернулся! – потом устало сказал вошедшему: – Сколько раз можно вам повторять: цветы здесь не продаются. Флорист переехал из этого здания много лет назад.

– Эй, он вовсе не пьяница, – заявила Джоанна, медленно вставая, так как узнала мужчину.

Это был мистер Солт, бабушкин сосед из особняка чуть дальше от нее по улице. На прошлой неделе он явился к ним домой, потому что забыл, где живет. Его дочь Элли прибежала забирать отца вся в слезах и рассказала о его состоянии – деменции, которая только ухудшилась после смерти жены пару лет назад. Теперь он иногда путался даже во времена года.

– Мистер Солт? – окликнула несчастного старика Джоанна, приближаясь к нему.

Под подошвами хрустела разбитая посуда. Повсюду валялись осколки стекла. На босых ногах бабушкиного соседа были лишь мягкие тапки. Вероятно, он так и прошел в них весь путь до кафе от самого дома.

– Разве это не цветочный магазин? – растерянно спросил мистер Солт и озадаченно нахмурился.

Он был еще крепким кряжистым мужчиной, несмотря на возраст – далеко за семьдесят – и лысину, но сейчас сутулился, вжимал голову в плечи и выглядел как потерянный ребенок, готовый разрыдаться.

Джоанна попыталась увести его в сторону от осколков и предложила:

– Давайте я позвоню Элли? Вместе вы купите цветы и отправитесь домой. – Быстрый взгляд на экран телефона подтвердил, что до появления Ника остается еще около десяти минут. Она заметила официанта, который нерешительно переминался с ноги на ногу рядом, и заверила: – Все в порядке. Я сейчас попробую связаться с его дочерью.

Мистер Солт, к счастью, без возражений позволил увести себя из кафе. Снаружи стоял прекрасный солнечный день. Синеву небес почти не заслоняли редкие облака. Было еще достаточно рано, и большинство магазинов на Кенсингтон-Хай-стрит пока не открылись.

– Давайте где-нибудь присядем, – сказала Джоанна и посмотрела по сторонам, но не обнаружила поблизости скамеек. Тогда она решила удовольствоваться низкой кирпичной оградой между кафе и банком по соседству. – Я сейчас позвоню Элли, а потом мы вместеждемся ее приезда.

Мистер Солт по-прежнему стоял рядом и таращился на девушку безо всякого выражения. Она ощутила странное беспокойство, словно дурное предчувствие перед грядущей бедой. Поймав себя на этой мысли, Джоанна начала гадать, с чего вообще так подумала. Потом окликнула старика:

– Мистер Солт?

Он споткнулся, вскинул руки и вцепился ей в плечи, отчего она инстинктивно отшатнулась, но тяжелая хватка лишь усилилась.

На секунду у Джоанны возникло странное ощущение, что они борются, и хотя она понимала, что мистер Солт всего лишь старается сохранить равновесие, но не удержалась и бросила взгляд через плечо в попытке увидеть отражение в витрине. Но они находились чуть в стороне, ближе к банку. Из кафе доносился приглушенный шум пылесоса. Тогда Джоанна посмотрела в том направлении, откуда должен был появиться Ник. Однако на обычно оживленной Кенсингтон-Хай-стрит не было ни души.

Бабушкин сосед еще сильнее навалился на девушку – так, что ее ноги задрожали от попыток удержать его немалый вес. В сознании всплыло воспоминание об одном нелепом событии: как-то раз Джоанна хотела снять тяжелый матрас, но он упал и придавил ее. Пришлось звать на помощь отца. Тот прибежал, увидел дочь и так долго хохотал, что обессилел и оперся на дверной косяк.

Она издала слабый смешок, который прозвучал натянуто и нервно, и попробовала убедить себя, что ни капли не боится. Вовсе нет. Мистер Солт всего лишь споткнулся и хочет удержаться на ногах. Через пару секунд он обретет равновесие, и все будет хорошо.

Джоанна уже начала обдумывать, как расскажет об этом происшествии Нику, когда тот придет. «Прямо перед твоим появлением случилось кое-что забавное. Наш сосед споткнулся, оперся на меня, заставив тоже потерять равновесие, и мы вдвоем принялись топтаться посредине Кенсингтон-Хай-стрит».

Однако в этот момент колени Джоанны подогнулись.

– Мистер Солт! – воскликнула она.

Его взгляд на секунду прояснился, и старик с неожиданной силой оттолкнул девушку. Она зашаталась, взмахнула руками и попыталась схватить его за плечи, за одежду – за что угодно, лишь бы удержаться на ногах, – но вскоре больно ударились спиной о стену и несколько мгновений видела перед собой только безоблачное синее небо.

А затем ощутила некий щелчок, и все погрузилось во тьму, точно кто-то выключил свет.

Джоанна слышала только собственное прерывистое дыхание и чувствовала себя совершенно дезориентированной. Она вытянула руки, пытаясь нащупать в кромешном мраке что-нибудь, что могло бы дать подсказку о текущем местонахождении, и тут же отпрянула назад, заметив резкую вспышку света.

Это оказались фары машины.

Глаза постепенно начали привыкать к темноте, но ощущение дезориентации лишь усилилось, поэтому никак не удавалось понять, что происходит.

На противоположной стороне дороги проступали очертания хорошо знакомой закускойной, мимо которой Джоанна проходила десятки раз.

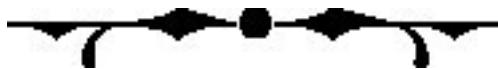
Она медленно обернулась и посмотрела на кафе за спиной. Внутри было темно и пусто, а на двери висела табличка «Закрывается». То же самое место, где они с мистером Солтом боролись. Только сам он исчез.

Джоанна потрясенно уставилась перед собой. Всего мгновение назад она стояла здесь и ждала, что вот-вот появится Ник. Солнце ярко сияло в утреннем небе.

Но сейчас над головой мерцали звезды и луна, лишь немного освещая бархатную черноту.

Наступила глубокая ночь.

2

Джоанна смотрела на темные небеса. Ночь наступила не постепенно, вслед за закатом, а внезапно, в один миг, словно кто-то набросил покрывало на весь мир.

Что же произошло?

Всего секунду назад Джоанна ждала, когда появится Ник, а сейчас...

Она хотела взглянуть на телефон, чтобы узнать время, но снова удивилась, поняв, что руки пусты. Кажется, он выскользнул из пальцев во время столкновения с мистером Солтом.

Мимо пронеслась машина, ненадолго осветив фарами всю улицу. Место, куда мог бы упасть телефон, пустовало. Джоанна сделала неуверенный шаг вперед, по-прежнему слегка дезориентированная.

Сердце сжали холодные пальцы страха. Она должна была встретиться с Ником и отправиться завтракать. Но кафе уже закрылось. Сквозь стекло витрины виднелись поднятые на столы стулья. Внимание вновь привлекла табличка на двери.

Что же произошло?

Мистер Солт толкнул Джоанну, а потом... Она попыталась вспомнить дальнейшие события. Ничего. Затем она сразу оказалась здесь.

Внезапно донесшиеся голоса заставили ее вздрогнуть и попятиться. Мимо нетвердой походкой прошла группка нарядных девушек. Они весело переговаривались, смеялись и цеплялись друг за друга в попытках держаться прямо, видимо возвращаясь с вечеринки. Одна из них пошатнулась и чуть не врезалась в Джоанну, пробормотав:

– Прости.

Та с упавшим сердцем проводила компанию взглядом. Они явно наслаждались прошедшим вечером, а не ломали голову над необъяснимыми событиями, которые с ними случились.

Джоанна зажмурилась, надеясь, что все вернется на свои места, когда она откроет глаза. Что снова будет утро. Что Ник окажется рядом. Однако чуда не произошло. Вокруг по-прежнему царил непроглядная мгла, а магазины и другие заведения на Кенсингтон-Хай-стрит молча таращились темными окнами и насмехались запертыми дверями. Температура тоже была ночной. В тот же миг, когда исчез свет, стало холоднее.

Джоанна ущипнула себя и почувствовала боль. А еще свежий воздух. И твердую землю под ногами. И поняла, что не спит.

Но если все происходило наяву... Табличка на закрытом кафе показывала время работы: с семи утра до девяти вечера. Если все происходило наяву, значит, из памяти пропало как минимум тринадцать часов.

Джоанна с трудом подавила приступ паники и снова рассеянно потянулась к карману, чтобы достать телефон, позвонить Нику и рассказать о случившемся, но затем повторно осознала, что случилось. Вот тогда волна страха обрушилась на нее всем весом. Это было уже слишком. Одна, глубокой ночью, с отсутствующими воспоминаниями о событиях последних нескольких часов.

Накатило острое желание оказаться дома у бабушки. Джоанна чувствовала себя маленькой девочкой, которая упала и поранилась, но знала, что все пройдет, стоит только очутиться в родных и таких успокаивающих объятиях.

Она побрела по Кенсингтон-Хай-стрит, свернула на улицу Эрлс-Корт. Знакомые места выглядели в темноте совершенно по-другому. Магазины напоминали пустые ракушки. Интересно, который час? Ощущение, что очень поздно.

Джоанна снова задалась вопросом, что же случилось. Неужели она потеряла сознание? Или кто-то накачал ее седативными препаратами? Или все это – лишь плод больного воображения? Каждое следующее предположение пугало больше предыдущего.

Ощутив новый приступ паники, девушка остановилась и внимательно осмотрела свое платье, с облегчением убеждаясь, что на ней по-прежнему летний сарафан и сандалии – тщательно выбранный наряд для свидания с Ником.

Может, она бродила во сне? Хотя раньше никогда этим не страдала.

Перебирая в уме одну версию за другой, Джоанна старательно обходила стороной одну мысль, пугавшую сильнее всего: «Что сделал со мной мистер Солт?»

Его особняк как раз возвышался сразу за поворотом с Лексхэм-мьюс, и переполненная вопросами девушка обогнула здание по широкой дуге, а затем и вовсе пустилась бегом, спотыкаясь на неровной дорожке, из боязни, что безумный сосед может в любой момент преградить путь.

Задыхаясь, Джоанна подлетела к дому бабушки, распахнула двери, захлопнула их за собой и закрыла на все замки, дважды проверив надежность запоров. Затем обернулась, ожидая увидеть пустой и темный коридор, но с удивлением обнаружила, что на кухне горит свет. Кто-то до сих пор не спал.

Бабушка сидела за столом и пила какао. Еще одна порция весело булькала на плите. Джоанна замешкалась на пороге, не зная, чего ждать. Часы показывали начало второго ночи. Отец пришел бы в ужас, если бы дочь явилась так поздно, не предупредив и не позвонив.

– Здравствуй, дорогая, – спокойно сказала бабушка, не поднимая глаза от напитка. – Садись и согрейся. – Джоанна только сейчас заметила, что на столе стояла еще одна чашка с какао, над которой шел пар.

– Я... – пробормотала она, не представляя, как описать то, что случилось. «Думаю, меня опоили какой-то дрянью. Или ударили по голове, заставив потерять сознание». Но ни одна из версий не казалась правдоподобной. – Кое-что произошло, – наконец выдавила Джоанна.

– Присаживайся, солнышко, – смягчившимся тоном повторила бабушка и подвинула какао внучке.

Та медленно опустилась на стул и обхватила ладонями горячую кружку.

В неярком свете кухонной люстры старейшина семьи Хант выглядела менее строгой и серьезной, чем обычно. Наверное, этому впечатлению способствовали также фланелевый халат и венчик седых кудряшек, ореолом окружавший голову.

– Что случилось? – спросила бабушка, после того как Джоанна отпила несколько глотков какао. – Расскажи мне все подробно.

– Кажется, мистер Солт сделал что-то со мной, – наконец ответила она, пытаясь вспомнить детали произошедшего и чувствуя новый приступ паники оттого, что из жизни выпал целый день, оставив после себя лишь зияющий провал. – Он... он толкнул меня, я налетела спиной на стену, а потом... – Нет, ничего. Пусто. – А потом я ничего не помню. – Последние слова вырвались сами собой, выражая всю бездну отчаяния. – Вообще ничего, только утро.

– Значит, он тебя толкнул, – голос бабушки прозвучал ободряюще и спокойно. – А ты толкнула его?

– Что? – недоуменно уточнила Джоанна, настолько не ожидавшая подобного вопроса, что несколько мгновений даже не знала, как ответить.

– Но прикоснулась к мистеру Солту, верно? – бабушка постучала пальцем себя по затылку. – Вот здесь?

Джоанна собиралась уже сказать «нет», но тут с необычайной четкостью вспомнила миг, когда взмахнула руками в попытке удержать равновесие и ребром ладони задела по шее безумного старика.

– Тогда стояло утро, – продолжила бабушка. – А затем вдруг наступила ночь. Внезапно, без перехода. Так?

Именно так все и было. Джоанна уставилась на нее и прошептала:

– Мистер Солт что-то со мной сделал.

– Ничего он с тобой не делал, – вздохнула бабушка. – Это ты кое-что с ним сделала.

– Что?

– Дорогая моя, помнишь, в детстве я уже рассказывала, кем ты являешься? – В ответ Джоанна лишь замотала головой, не в состоянии отвести взгляда от собеседницы. Та наклонилась ближе и тихо проговорила: – Ты монстр, внучка.

Какао на плите продолжало булькать. Часы на стене медленно тикали. Весь мир, казалось, сузился до зеленых глаз бабушки.

– Ты имеешь в виду, я умею делать так, чтобы вещи исчезали? – поинтересовалась Джоанна. – Исчезали и появлялись вновь?

К сожалению, это получалось у нее не слишком хорошо. С годами необычная способность совсем не развилась. Бабушка и дядя Гас могли работать с большими предметами, Джоанне же не удавалось заставить исчезнуть ничего больше монеты.

– Таков дар всех членов семьи Хант. Каждый род монстров обладает своей, уникальной, способностью, – проинформировала бабушка. В тусклом желтом свете ее глаза мерцали, как у кошки. – Но есть и то, что умеем мы все: перемещаться. Именно это сегодня ты и сделала.

– Перемещаться?

– Люди привязаны к потоку времени, а монстры – нет, – пояснила бабушка. – Ты украла половину дня у нашего соседа и использовала, чтобы перенестись из сегодняшнего утра на те же несколько часов вперед. И именно так оказалась в том же месте, но уже ночью. Это называется путешествием во времени.

– Ты о чем? – недоверчиво рассмеялась Джоанна, ожидая, что бабушка признается в неудачной шутке и присоединится к веселью, но глаза той оставались серьезными.

– Жизнь, – сообщила она, пристально глядя на внучку. – Ты украла у мистера Солта несколько часов жизни.

– Нет, не может быть, – возразила Джоанна, ничего не понимая.

– Ты забрала совсем немного, всего несколько часов. Он умрет на половину дня раньше отведенного срока.

– Нет! – воскликнула Джоанна, не желая быть причастной к краже людских жизней. Ее семья всегда называла себя монстрами, но если бабушка говорила правду, то это делало их настоящими чудовищами. Хищниками, которые охотились на невинные жертвы. Да, Рут иногда воровала в магазинах и умела взламывать замки, а Берти временами тайком пробирался в кинотеатры через черный ход, чтобы бесплатно посмотреть фильм. Но кузены не были монстрами. – Не может быть, – повторила Джоанна. – Я не крада жизнь у мистера Солта. И никогда не стала бы так поступать. Никто из нашей семьи не стал бы. А путешествия во времени... ну, это...

И тогда она увидела лежащую на кухонной скамье шляпу дяди. Элегантная и красивая, как и все остальные его вещи, орехового цвета с темно-коричневой лентой. Гас обожал стиль 1950-х годов, одевался по моде того времени, носил шляпы и даже причесывался старомодно: волосы разделял на пробор и аккуратно приглаживал.

Сразу вспомнился и наряд тети прошлым утром. Она тоже отличалась экстравагантностью в выборе гардероба, но Джоанне это всегда нравилось. Вчера на Аде красовался комбинезон вроде тех, в которых ходят механики, а на волосах был узлом завязан шарф. Накануне же она щеголяла в старинном белом платье, словно собиралась на пикник в стиле 1920-х годов.

Словно собиралась переместиться в прошлое, в 1920-е, и принять там участие в пикнике.

Джоанна вскочила из-за стола, отчаянно хватаясь за его край, и замотала головой, хотя и сама не знала, против чего именно возражает. Ножки стула проскрежетали по полу в повисшей тишине особенно громко.

– Внучка, – окликнула бабушка и протянула телефон, оброненный в суматохе с мистром Солтом. Экран потрескался от падения. – Не забывай о соблюдении правила: никто не должен знать, кто мы такие. Кто ты такая. Никогда и никому не рассказывай о существовании монстров.

Джоанна взбежала по лестнице к себе в спальню. Там все было в точности так, как утром: кровать не заправлена, пижама валяется на подушке.

Ошарашенная, потрясенная девушка устала на длинную трещину поперек экрана телефона. Кто-то выключил его. Бабушка каким-то образом узнала, что нужно дождаться пропавшую внучку этим вечером и, очевидно, догадалась также забрать ее мобильный.

Джоанна сглотнула и включила его. Когда экран зажегся, она почувствовала себя так, будто кто-то окатил ее ведром ледяной воды. Высветилось несколько сообщений от Ника.

Внезапно захотелось плакать. Они должны были провести вместе целый день. Она так этого ждала, а в итоге пропустила свидание. И не просто не пришла, но и обидела, никак не объяснив свое отсутствие. Рут сказала бы – «продинамила».

Во рту пересохло. Джоанна просмотрела сообщения, первое из которых прочитала еще утром и на которое собиралась ответить, когда появился мистер Солт.

«Я уже в метро».

«Я на месте».

«Все в порядке? Завтрак еще в силе?»

«Джоанна, у тебя все хорошо?»

Первое сообщение пришло в 7:39 утра, а последнее – в 18:23 вечера. Она сглотнула, чтобы избавиться от кома в горле, и устала на телефон, не зная, как поступить. Наконец решила и набрала:

«Прости меня, пожалуйста. У меня все хорошо, просто возникли срочные семейные дела».

Бабушка сказала, что Джоанна украла несколько часов жизни у мистера Солта и использовала их для перемещения во времени.

Первым побуждением было закрыть лицо руками и отрицать саму вероятность таких путешествий. Джоанна тяжело опустилась на кровать. Все это происходит не на самом деле. Не может происходить. Иначе придется поверить, что мистер Солт умрет раньше предначертанного срока из-за нее. А она ни за что не причинила бы вред безобидному больному старику. Никогда.

Да и перемещения во времени... Их просто не существует.

Но будильник на прикроватном столике показывал начало второго ночи. Это точно было по-настоящему. А значит, Джоанна ушла в кафе не час назад, вопреки ее ощущениям.

Монстры. Члены семейства Хант постоянно так себя называли. Почему у нее никогда не возникало желания уточнить – с какой стати?

Она смотрела, как меняется время на табло будильника. Минуты текли с той же скоростью, что и обычно. Без пятнадцати два. Полтретьего. Казалось неправильным бодрствовать так поздно ночью. Создавалось ощущение смены часовых поясов, как после долгого перелета.

Эта мысль вызвала воспоминания о странностях поведения родных. Рут иногда выглядела полной энергии, а через короткий промежуток времени валилась с ног от усталости и могла отправиться спать. А Берти переодевался по пять раз на дню.

Если бабушка говорила правду, то это значит, что кузены уже давно были в курсе насчет перемещений во времени.

«Он умрет на половину дня раньше отведенного срока», – снова зазвучали в ушах слова, произнесенные бесстрастным тоном, будто бабушку совершенно не беспокоил смысл сказанного. Будто она на самом деле являлась монстром. Мысль об этом была невыносимой.

Шесть тридцать утра. Семь тридцать. Вероятно, после этого Джоанна все же уснула и в полудреме снова очутилась перед кафе, только на этот раз после толчка мистера Солта схватила его за шею и принялась сжимать пальцы, чувствуя, что каким-то образом стала гораздо сильнее крупного противника. Тот вырывался, задыхаясь, но тщетно.

А затем, как по щелчку выключателя, день превратился в ночь.

Из темноты донесся голос мистера Солта: «Ты монстр».

Джоанна резко проснулась. Занавески на окнах были раздернуты, позволяя увидеть снаружи необычно белое небо. Она положила ладонь себе на горло и ощутила движение хрупкой гортани под пальцами, когда сглотнула. Что это за сон? И какому человеку он мог присниться?

Когда Джоанна спустилась на кухню, Рут сидела за столом и ела тост с дрожжевой пастой. Часы на стене показывали полчетвертого. Потребовалось некоторое время, чтобы справиться с легкой дезориентацией и понять: было уже полчетвертого дня.

Рут подняла голову и воскликнула:

– Привет! Поверить не могу, что вчера ты не разбудила меня, когда вернулась домой! Требую подробности о свидании двух ботаников! – слова звучали настолько знакомо и привычно, что накатил новый приступ растерянности. – Как все прошло, потрясно, а? Вы хоть это... – кухня изобразила поцелуй.

– Я все пропустила, – словно издалека услышала Джоанна собственное признание

– Ты пропустила свидание? – с недоумением переспросила Рут. – В каком смысле? Ты ж его так ждала.

Она сегодня выглядела так, словно только что вернулась с костюмированной вечеринки в стиле 1980-х годов: зачесанные в высокий хвост волосы, куртка с большими плечами на подкладке, слегка размазанный броский макияж.

Вернее, вернулась из 1980-х годов.

– Значит, все это правда? – медленно проговорила Джоанна.

– Что именно? – уточнила Рут, непонимающе хмуря брови.

– Что наша семья – монстры. Настоящие монстры. Что мы крадем у людей жизнь.

Джоанна не сводила взгляда с такого родного лица двоюродной сестры, которую знала с самого детства – с младенчества, когда они обе еще не умели разговаривать. Иногда, приезжая к бабушке на лето, они даже селились в одной комнате, чтобы иметь возможность болтать по полночи обо всем на свете, тысячу раз ссорились по мелочам и снова мирились. Джоанна почувствовала, как пересохло во рту, и взмолилась про себя: «Рут, пожалуйста, расхохочись мне в лицо. Или заяви, что я слетела с катушек окончательно. Или все отрицай. Пожалуйста, скажи, что все это неправда».

Но кухня лишь открывала и закрывала рот, не зная, что ответить. Было так странно видеть ее неуверенной. Наконец она выдавила:

– Кто тебе рассказал?

– Меня интересует, почему не рассказала ты? – со злостью и ужасом выпалила Джоанна, понимая, что прошлой ночью бабушка говорила правду.

– Послушай... – побледнев, произнесла Рут.

– Ты крадешь у людей жизнь? – воскликнула Джоанна. – И Берти? И вся наша семья? – сердце зануло, а желудок сжался от накатившей дурноты. – Но это же отвратительно! Неправильно! Так поступают только настоящие злодеи! – в голову пришла кошмарная мысль: – А у моего папы ты когда-нибудь жизнь забирала? А у меня?

– Конечно же нет! – с пораженным видом возмутилась Рут. – Как ты вообще могла такое подумать?

Джоанна попятилась и выскочила обратно в коридор, чувствуя, что ее скоро стошнит.

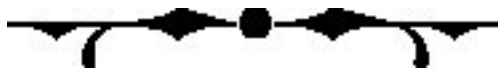
– Эй! – окликнула кузина. – Ты куда? Поговори сначала с бабушкой, ладно?

– С бабушкой? – недоверчиво переспросила Джоанна. – Да я ни с кем из вас не хочу разговаривать. – Она хотела лишь побыстрее убраться из этого дома. Подальше от семьи монстров.

– Послушай...

– Нет! – снова перебила Джоанна, и ее голос надломился. Она отступала по коридору, крикнув напоследок: – Я никогда больше не хочу никого из вас видеть!

3

Прошлой ночью Джоанна пробежала мимо особняка мистера Солта из страха перед безумным стариком. Сейчас же, шагая обратно, она вжала голову в плечи из-за жгучего стыда. Как сказала бабушка: «Ничего он с тобой не делал. Это ты кое-что с ним сделала».

Внезапно возникло отчаянное желание вернуться домой, в спокойный поселок Милтон Кейнс. Но папа сейчас гостил у родственников в Малайзии, находился в кругу второй половины семьи – Чен. А за коттеджем присматривал приятель отца.

Джоанна почувствовала себя выпавшей из привычной реальности, в которой все друзья наслаждались летними каникулами в самом разгаре, а папа путешествовал – не во времени, а по миру. Здесь же...

Здесь же, в альтернативной реальности, семья Хантов воровала у людей жизни. Здесь и сама Джоанна воровала жизни, как сделала вчера.

Она свернула за угол и поняла, что не представляет, куда идти. Если позвонить отцу, или попытаться вернуться домой в Милтон Кейнс, или попросить погостить у кого-то из друзей, то непременно возникнут вопросы. Вопросы, на которые она не знает, как ответить.

Джоанна поняла, что по привычке бредет в сторону Холланд-Хауса – музея, в котором работала волонтером. Вместе с Ником.

Голландский дом первоначально был усадьбой Кенсингтона, сейчас же служил историческим музеем, открытым для публики. Каждая комната являлась идеально воссозданной копией покоев расцвета Георгианской эпохи. Внутренние помещения туристам показывали переодетые в соответствующие костюмы экскурсоводы и рассказывали о том, как раньше жили обитатели усадьбы. В парке проходили пикники, а для детворы разбили огромный лабиринт из живой изгороди.

Джоанна помогала персоналу три раза в неделю с начала этого лета. В основном убираться в помещениях и ухаживать за растениями. Она обожала работу, так как любила историю. И как школьный предмет, и как возможность погрузиться в прошлые времена. Пока однокурсники обсуждали карьеру актеров и певцов, Джоанна мечтала стать сотрудником музея.

Она шагала по знакомому маршруту к Холланд-Хаусу. Окружающий мир казался до странности привычным и обыденным. Пустые остовы ракушек вдоль Эрлс-Корт-роуд вновь выглядели как магазины. Даже на смену ярким голубым небесам пришла более подходящая Лондону угрюмая облачность. Создавалось ощущение, что вчерашнего дня вовсе не было.

Джоанна добралась до Кенсингтон-Хай-стрит. На противоположной стороне дороги металлические ворота, ведущие к Холланд-Хаусу, стояли распахнутыми настежь. В это время основной поток туристов уже покидал музей и двигался к выходу.

Казалось непривычным идти против течения. Возникло ощущение неправильности. Возможно, так и было. Что Джоанна могла сказать Нику, если увидит его? Он наверняка считал ее легкомысленной особой, которая сначала не явилась на свидание, потом проигнорировала все сообщения, а сегодня и вовсе пропустила свое дежурство в музее безо всякого объяснения. А что, если Ник не захочет даже разговаривать с ней? При этой мысли Джоанна нервно сглотнула.

Пока она шагала по длинной дорожке между вязами к зданию, навстречу попадались туристы с пустыми корзинками для пикника и сувенирами из магазинчика при музее. Дети с визгом носились взад и вперед, а родители спокойно шествовали следом.

Как всегда, Холланд-Хаус представал перед глазами постепенно. Сначала из-за кружева листвы деревьев начинали проглядывать красные кирпичи кладки, затем появлялись сверкающие окна и белая отделка, и, наконец, тропинка выводила к ухоженной лужайке с подстриженной травой, откуда открывался вид на Голландский дом целиком.

Красный кирпич и каменная отделка музея были увиты плющом. Остроконечные крыши с башенками возвышались над лужайкой, в центре которой журчал фонтан. По траве важно прогуливались павлины.

Джоанна стояла на краю этой лужайки и рассматривала Холланд-Хаус, почему-то ожидая, что он будет выглядеть по-иному. Но нет, все казалось совершенно таким же, как и два дня назад. Вообще весь мир, как ни странно, остался прежним: и кухня в бабушкином доме, и здания на Эрлс-Корт-роуд. Изменилась сама Джоанна.

Теперь она знала, что за привычными лондонскими фасадами скрываются монстры.

В музей она поднялась по боковой лестнице для сотрудников. Сквозь окна просачивался дневной свет. В воздухе пахло нагретой на солнце мастикой и деревом.

Ник работал в библиотеке – длинной галерее, которая тянулась по всей ширине Холланд-Хауса. Вдоль стен теснились полки с книгами, в просветах висели старинные картины. Один конец библиотеки выходил окнами на сад в регулярном стиле, а другой – на передний двор.

Джоанна в нерешительности застыла на пороге. Ник пока не замечал ее, так как стоял спиной к дверям. Он работал в помещении один: протирал раму картины мягкой тряпочкой для пыли, закатыв рукава рубашки до локтей, так как в библиотеке было довольно жарко.

Взгляд Джоанны помимо воли упал на полоску открытой кожи между воротником и темными волосами парня. Именно там она коснулась мистера Солта, по словам бабушки. Ощущение нереальности происходящего только усилилось.

Вспомнился момент, когда они с Ником познакомились – первый день работы Джоанны в музее. Субботнее солнечное утро начала лета. Тогда толпа туристов все увеличивалась и увеличивалась, пока не стало казаться, что половина Лондона решила устроить пикник. Посетители теснились на лужайках и гуляли по зеленому лабиринту, едва не наступая друг другу на пятки. В обеденный перерыв Джоанна сбежала в поместье, поднялась по боковой лестнице для сотрудников и очутилась здесь, в этой самой библиотеке, в блаженном одиночестве. Закрывает глаза и вдохнула полной грудью запах бумаги и старинных книг в кожаных переплетах. Передышка принесла долгожданное облегчение после шума толпы.

Внезапно скрипнувшая паркетная половица заставила Джоанну открыть глаза и обернуться. Она увидела вошедшего в помещение юношу, который, вероятно, был чуть старше ее – около семнадцати лет. Сначала внимание привлекла его мужественная внешность: симпатичные черты лица, темные волосы и квадратная челюсть. А затем он посмотрел на Джоанну, и та ощутила тепло, словно попала в луч солнечного света.

Позднее она узнала и о других качествах Ника. Узнала, что он добрый, что никогда не лжет, что разговаривает со всеми одинаково вежливо и уважительно.

Возвращаясь в настоящее, Джоанна переступила с ноги на ногу, отчего паркет закрипел. На мгновение воспоминания и реальность слились в единое целое, когда Ник обернулся и их глаза встретились.

– Прости меня, – пробормотала Джоанна, чувствуя, как сердце пропустило удар. – Мне очень жаль, что я не смогла прийти вчера.

Ник провел рукой по волосам, откидывая их назад. При определенном освещении они казались почти черными, «как у мистера Дарси» – по выражению общей знакомой Астрид. Но сейчас из окна за его спиной на шевелюру падали солнечные лучи, вызолотив непослушные пряди.

– Ничего страшного, – заверил Ник небрежно, хотя слова прозвучали слегка неуверенно, будто он морально готовился быть отвергнутым.

– Семейные обстоятельства, – вздохнула Джоанна. Фактически она даже не лгала, хотя интуитивно это ощущалось как обман. – И... Прости, что не ответила на сообщения. Потеряла телефон... – Она беспомощно умолкла, понимая, что говорит неубедительно, отругав себя: «Ага, и потом снова нашла».

Бабушка велела никогда и никому не рассказывать о существовании монстров. Впервые Джоанна задумалась, всегда ли этот секрет будет стоять между ней и дорогими ей людьми. Между ней и Ником. Между ней и папой.

Перед мысленным взором возникла картина, как все обстояло вчера в кафе, когда она не явилась на свидание. И не ответила ни на одно из сообщений. Зная Ника, он наверняка ждал очень долго, просто на всякий случай. Сколько времени он просидел за столиком, пока не понял, что Джоанна не придет?

«У тебя все хорошо?» – так говорилось в последнем сообщении.

Она представила, как Ник получил резкий ответ поздно ночью, через много часов после неудавшегося свидания: «Возникли срочные семейные дела».

– Джоанна... – он по-прежнему стоял и смотрел на собеседницу в ожидании более подробных объяснений, но на лице постепенно проступала обида от понимания, что их не будет.

На первом этаже хлопнула дверь. Послышались шаги в сторону главного выхода. Последние из туристов покидали здание музея.

Джоанна провела ладонью по лицу, точно могла избавиться от растерянности из-за потрясений вчерашнего дня. Следовало предложить что-то настоящее.

– Я могла бы... – она неловко указала на тряпку для пыли в руках Ника. Он заморгал и опустил взгляд, словно забыл, чем занимался. – Я могла бы закончить уборку. Знаю, это не компенсирует пропущенную смену, но...

– Необязательно мне помогать, я и сам справлюсь, – обводя темными глазами лицо Джоанны, медленно проговорил Ник.

– Много времени это не займет, – отозвалась она и направилась к тележке с чистящими средствами и инструментами для уборки в поисках подходящей тряпки, чувствуя при этом на себе пристальный взгляд недоумевающего парня.

Джоанна и сама знала, что ведет себя странно и пытается отсрочить неизбежное.

Она принялась аккуратно водить мягкой тканью по деревянной раме, украшенной резными розами, как учили: собирая пыль только с кропотливо выполненного орнамента, ни в коем случае не касаясь картины. Повисшее в библиотеке молчание становилось все более напряженным. Джоанна с нарастающим ужасом ждала, что Ник вот-вот скажет: «Ты меня очень сильно обидела. Хорошие люди так не поступают». Или вовсе уйдет.

Послышались его шаги. Но не к выходу, а к ней. Осторожные, неуверенные. Так сама Джоанна приближалась вчера к мистеру Солту.

Ник остановился рядом с ней. Его присутствие ощущалось так ярко, так остро. Даже не оборачиваясь Джоанна четко представляла широкие плечи и квадратный подбородок парня.

– Что произошло вчера утром? – его рокочущий голос прозвучал мягко.

Джоанна ощутила приступ дурноты. Интересно, часто ли родные делали это – крали жизни? Сколько забирали времени и у кого? Воровала ли Рут годы для путешествий у соседей? Или у кого-то из знакомых?

На секунду возникло безрассудное желание во всем признаться Нику. Джоанна всегда чувствовала себя лучше после разговоров с ним. Кроме того, вчерашнее происшествие казалось таким пугающим и невероятным, что она просто обязана была хоть с кем-то поделиться.

Но только не с Ником. Бабушка предупредила, что нельзя сообщать обычным людям о существовании монстров.

С первого этажа донеслись голоса: сотрудники музея прощались друг с другом. Снова послышалось хлопанье дверей. Люди расходились по домам.

– Я только хотела попросить прощения, – с трудом выдавила Джоанна и попыталась сглотнуть ком в горле.

Теперь она понимала, что не следовало вообще появляться здесь. Не следовало искать встречи с Ником. Хотя к кому тогда обратиться? По правде говоря, после вчерашних событий Джоанна очутилась в новой реальности: странной и опасной. В реальности, к которой он не принадлежал.

Несколько бесконечных секунд Ник не отвечал. На его лице мелькали тени различных эмоций. Кажется, сейчас он гадал: увидит ли снова Джоанну, если она сейчас уйдет?

Сердце болезненно сжалось. Она сказала Рут, что ей нравится напарник по работе, разделяющий любовь к истории, но на самом деле чувства были куда сильнее. С первой же встречи между ними будто пробежала искра узнавания. Возникло ощущение, что они знали друг друга всю жизнь. А после приглашения на свидание Джоанна только что не летала, окрыленная неизвестными до сих пор эмоциями. Она и не представляла, что существуют столь глубокие и сильные переживания.

Поэтому одна мысль уехать и не возвращаться – никогда больше не увидеть Ника – заставляла сердце болезненно сжиматься, разбиваясь на тысячу осколков. Но так нужно. Джоанна знала, что обязана это сделать, так как никогда не смогла бы солгать ему. Она и сейчас испытывала острое желание все рассказать.

– Пожалуйста, не надо, – прошептал Ник, стоя совсем близко к Джоанне. В его темных глазах мелькнула боль. – Не уходи.

Значит, он и в самом деле догадался.

«Я должна, – подумала Джоанна, – потому что не доверяю себе, когда ты рядом. И боюсь того, что могу тебе рассказать. Боюсь того, кем являюсь».

Но когда Ник снова умоляюще попросил: «Пожалуйста», – она поймала себя на том, что кивает.

Сотрудникам запрещалось задерживаться в музее после закрытия, и Джоанна чувствовала неловкость оттого, что нарушает правила, так как обычно исполняла законы и предписания неукоснительно. Как и Ник. Но сейчас они оба прошли в дальний конец библиотеки и устроились прямо на деревянном полу под большим окном, где отсутствовала вероятность повредить ветхие предметы обстановки.

Ник постелил свой пиджак в качестве импровизированного покрывала для пикника, достал из рюкзака плитку шоколада с орехами и серьезно прокомментировал:

– Не хочу уронить на паркет крошки.

Белый ворот рубашки чуть съехал, пока Ник расправлял складки, и Джоанна старалась не смотреть на его шею, а когда он передал шоколад, вздрогнула от соприкосновения их пальцев и с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться. Чтобы забрать время у мистера Солта, оказалось достаточно просто мимолетно дотронуться до его затылка. Джоанна никогда не простила бы себе, если бы с Ником произошло то же самое. Не простила бы себе, если бы забрала часть его жизни.

По молчаливому согласию они избегали обсуждения неудавшегося свидания, придерживаясь безопасных тем.

– Ты сегодня помогал в саду? – поинтересовалась Джоанна и поняла, что ее слова прозвучали так же неловко, как она себя чувствовала.

– Нет, заканчивал инвентаризацию к аудиту страховой компании, – хотя в глазах Ника мелькали десятки собственных невысказанных вопросов, он все же ответил на ее. От усталости

его акцент уроженца Йоркшира становился заметнее, что произошло и сейчас. – Я составлял каталог предметов в той комнате, которая так тебе нравится – с маленькими картинами.

– Палата с миниатюрами, – кивнула Джоанна.

Наверное, Ник потратил уйму времени, чтобы описать все интересные предметы. Это работа предназначалась для двоих, а он делал ее в одиночку. Неудивительно, что он так устал. Почувствовав себя виноватой, Джоанна опустила глаза. Раскаяние, как живое существо, грызло ее изнутри. Вчера – мистер Солт. Сегодня – Ник. Кому она причинит боль завтра? Пусть это и произошло ненамеренно, но лучше от этого не становилось. Так поступали все монстры?

По мере ничего не значащей беседы напряжение из-за невысказанных вопросов между ними нарастало. Казалось, произнесенные слова звучат громче тех, что слетали сейчас с языков.

Джоанна подтянула колени к груди и обняла их. В Холланд-Хаусе становилось все тише и тише, пока даже паркет не прекратил скрипеть. Во всем музее теперь находились только они двое.

Вечернее солнце заливало лучами наполовину избавленную от пыли картину на противоположной стене.

– Мы так и не закончили уборку, – заметила Джоанна. Работы оставалось максимум минут на тридцать. – Я все доделаю, перед тем как уйти.

– Подождет до завтра, – тихо проговорил Ник.

Завтра. Джоанна не знала, что будет завтра. Она с трудом могла думать о сегодняшнем вечере, поэтому сейчас выкинула все мысли из головы и откинулась на стену. Пыльная картина размером была почти в натуральную величину, но отсюда выглядела как одна из миниатюр. На портрете мужчина в охотничьем костюме эпохи Регентства стоял под дубом, надменно приподняв подбородок.

Ник проследил за взглядом Джоанны и улыбнулся.

– Астрид называет этого пижона писанным красавцем. Поспорить сложно, он и правда написан маслом.

К своему собственному удивлению, Джоанна рассмеялась. Ей самой всегда казалось, что изображенный на картине мужчина скорее жестокий. Он попирал сапогом распростертый у ног труп убитой лисицы. Художник придал глазам охотника выражение холодного торжества, как у настоящего хищника.

– Говорят, когда-то Холланд-Хаус принадлежал ему, – добавил Ник.

– Можешь себе представить, каково было здесь жить всего одной семье? – протянула Джоанна, вспомнив количество пустовавших сейчас комнат. – Такое огромное пространство.

– Не могу вообразить свое детство в подобном месте, – Ник поднял взгляд к потолочному окну, где на фоне вечернего неба уже проступали серебряные звезды. – Мы с братьями и сестрами росли в крошечной двухкомнатной квартирке. Для восьмерых она была слегка тесновата. – Эти слова прозвучали уже спокойно, больше похоже на привычные беседы.

– Восьмерых? – с изумлением переспросила Джоанна, которая хоть и знала о наличии у Ника братьев и сестер, все же не представляла, что их окажется так много.

– Трое братьев и две сестры, – кивнул он. – Все мальчишки спали в гостиной до тех пор, пока мне не исполнилось семь лет. Но мы не возражали. Было даже уютно, ну, знаешь как бывает?

– Ага, – вздохнула Джоанна, вспоминая летние каникулы с семейством Хант. Она любила спокойствие и безмятежность их с отцом дома, но и гостить у бабушки тоже обожала. Раньше, во всяком случае. Сейчас же не могла понять, как к этому относиться. От этой мысли на глаза навернулись слезы, и она зажмурилась, чтобы их отогнать. – Знаю.

Ник поколебался, явно желая что-то спросить, и Джоанна затаила дыхание, представляя, что именно, и с ужасом ожидая его слов, но он просто придвинулся ближе. Теперь их руки соприкасались.

Они сидели так некоторое время, пока Джоанна пыталась справиться с эмоциями. Затем она сумела выдать:

– Расскажи о своей семье.

Ник снова замялся, пристально глядя на собеседницу, но в конце концов все же принялся рассказывать:

– Пока я рос, у нас почти ничего не было, кроме друг друга. Родители учили нас заботиться об остальных, помогать тем, кто нуждается. Я до сих пор верю, что это правильно: относиться по-доброму к окружающим.

Кто-нибудь другой мог произнести эти слова насмешливо, чтобы продемонстрировать «крутизну», чтобы выразить скептицизм насчет наивности родительских наставлений. Но Ник говорил просто и серьезно. Так, будто действительно верил в сказанное.

Джоанна опустила взгляд и посмотрела на свои руки – руки, которыми вчера забрала время у мистера Солта. Она тоже всегда верила в важность хороших поступков. Искренне, всем сердцем, как Ник. И хотела быть похожей на него. Думала, что уже похожа на него.

Вплоть до вчерашней беседы с бабушкой. Теперь же Джоанна чувствовала, что превращается в нечто, чего не понимала, и, разговаривая с единомышленником, гадала: есть ли способ вновь обрести себя? Вновь просто быть самой собой. И сможет ли она сделать это, зная, кем является?

– Отец учил меня тем же вещам, – тихо произнесла Джоанна.

Она рассказала Нику про папу и их большую семью в Малайзии. Про свое детство. А также – после некоторых колебаний – про двух кузенов и свои летние каникулы в особняке бабушки.

Они проговорили несколько часов. Беседа перескакивала с одной темы на другую: от обсуждения родных к воспоминаниям об общих знакомых, которые работали в музее, а затем – к любым мелочам, приходящим в голову. Когда слова наконец иссякли, Джоанна с облегчением обнаружила, что неловкость между ней и Ником испарилась. Молчание снова стало комфортным. Уютным.

– Обычно я не болтаю так много о своей скромной персоне, – усмехнулся он слегка неуверенно, точно боялся, что наскучил собеседнице.

– Мне нравится с тобой разговаривать, – заверила Джоанна, откидывая голову на стену и вспоминая нерешительность Ника, когда он назначал свидание. С его-то фотомодельной внешностью вокруг наверняка крутилась толпа поклонниц. Но он казался таким же новичком в отношениях, как и сама Джоанна. – И мне нравится быть рядом с тобой. И... Послушай, я действительно хотела сходить на свидание. Очень хотела. Даже нарядилась по такому случаю. – Говоря это, она поняла, что сейчас выглядит совсем не так презентабельно, потому что совершенно не думала об одежде, когда проснулась – просто натянула первое попавшееся платье поверх топика и велосипедок.

– Да? – слегка застенчиво улыбнулся Ник. – Я тоже принарядился. Не в костюм, конечно, но пиджак был стильный.

– Да? – эхом повторила Джоанна, поворачивая голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

Однажды кураторы музея попросили Ника надеть костюм эпохи Регентства, когда заболел профессиональный актер. Брюки оказались чуть тесноваты в бедрах, а пиджак едва не трещал по швам на широких мускулистых плечах.

Джоанна почувствовала, как изменился ритм ее дыхания, а когда Ник коснулся ее щеки, и вовсе перестала дышать. Она никогда раньше не целовалась. Затем, повинувшись движению

теплой ладони парня, слегка запрокинула голову, ощущая на коже тепло его прерывистого дыхания. Он тоже нервничал.

Когда их губы соприкоснулись, сердце Джоанны учащенно забилося. Ник совсем немного отстранился и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, внезапно поняла, что больше совершенно не боится, запустила пальцы в его темные волосы и поцеловала, чувствуя, как по телу разливаются тепло и дрожь. Затем немного сдвинулась, провела ладонью вниз к...

И резко отдернула руку, ругая себя. Нельзя прикасаться к затылку!

– М-м? – вопросительно промычал Ник, кажется еще потрясенный после поцелуя. – Джоанна, в чем дело? – но тут же сел прямо и нахмурился. – Ты это слышала?

Тогда она тоже различила слабый шум. Шорох автомобильных покрышек по гравию. Однако машины никогда не заезжали на территорию Холланд-парка так близко к музею. В окно лился свет.

Джоанна вскочила на ноги. Ник последовал ее примеру. Солнце уже садилось. Неужели прошло столько времени?

Во дворе стоял черный автомобиль. Еще три медленно подъезжали.

– Не знала, что сюда кого-то пускают на частные мероприятия в нерабочие часы, – пробормотала Джоанна, испытывая смутное беспокойство: где же она раньше видела похожие машины?

Ник, кажется, еще не до конца взял себя в руки после поцелуя, но после глубокого вдоха постарался сосредоточиться. Густые темные волосы по-прежнему выглядели растрепанными.

– Думаю, нам пора уходить.

Джоанне тоже не слишком хотелось заявиться на чужое мероприятие, поэтому она приняла протянутую ладонь Ника, хоть и не без некоторого колебания. Пришлось напомнить себе, что держаться за руки безопасно. Прикасаться к нему было так приятно – как тень эмоций от поцелуя.

– Можно выскользнуть через черный ход, – предложила Джоанна, шагая по направлению к ступеням. – Нас никто и не заметит, потому что войдут через...

Она резко остановилась и с ужасом уставилась через дверной проем в коридор снаружи библиотеки: там, прямо из воздуха, на паркет легкой прогулочной походкой шагнул мужчина с черными волосами до плеч и вытянутым хищным лицом, чертами напоминавшим коршуна. Когда появилась вторая нога, он педантично отряхнул костюм.

Пока что незнакомец держался вполоборота к Джоанне, но она понимала, что он может заметить их в любую секунду, поэтому сжала ладонь парня, призывая его к молчанию. Молясь про себя, чтобы он не обратил внимания на произошедшее. Но надежда оказалась напрасной. Ник замер с широко распахнутыми глазами, явно шокированный появлением мужчины из ниоткуда, но все же ободряюще пожал руку Джоанны в ответ.

Теперь она вспомнила, где раньше видела те черные машины или очень похожие на них.

Два года назад в день ее приезда к бабушке повсюду царил оживление. Но не привычное оживление с оттенком всеобщего веселья семейства Хант. Нет, дом, казалось, гудел от напряжения.

– В этом году город посетят Оливеры, – объяснила Рут недоумевающей кузине. – Поэтому все нервничают.

– Ты о чем? – не поняла Джоанна.

– Ну *Оливеры* же, – повторила Рут таким тоном, словно досадовала на недогадливость собеседницы, но заметила ее пустой взгляд и добавила: – Еще одно семейство монстров. Богатеи, которые разъезжают повсюду на черных «Ягуарах» и ненавидят нас. И это чувство взаимно.

– Еще одно семейство монстров? – переспросила тогда Джоанна. – Таких же, как мы?

– Совсем не таких, – фыркнула Рут. – Оливеры – настоящие негодяи. Жестокие и хладнокровные.

Позднее тем же летом кортеж из трех черных блестящих машин проезжал по улице, где в тот момент шагала Джоанна. На водительском месте в последнем автомобиле она сумела разглядеть мужчину в сером костюме и с шоферской фуражкой на голове, а на заднем сиденье в одиночестве развалился красивый золотоволосый парень. Примерно ее ровесник, он наблюдал за мелькающим мимо пейзажем с такой презрительной усмешкой, будто ненавидел весь мир.

«Жестокие и хладнокровные», – вспомнились слова двоюродной сестры.

Теперь, когда Джоанна знала, кто появился в музее, она невольно задумалась, что Оливеры сделают, если обнаружат здесь их с Ником.

Рядом с мужчиной возникла женщина, а затем из воздуха начали повсюду материализоваться все новые и новые люди: в коридоре, в главном зале, в позолоченной палате, в желтой гостиной.

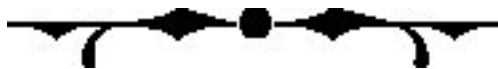
Джоанна не могла захлопнуть двери, не привлекая при этом внимания. Старые деревянные створки разошлись и издавали ужасающе громкий скрип, когда закрывались. Оставалось лишь осторожно отходить в глубь помещения, стараясь не наступать на паркетные половицы, способные выдать присутствие посторонних. Она умоляюще взглянула на Ника, и он послушно последовал за ней. Лишь бы их не заметили! Одна надежда, что прибывающие Оливеры будут заняты друг другом, а шум их появления замаскирует движения незваных гостей.

Внезапно за спиной Джоанны раздался скрип, заставивший ее вздрогнуть и медленно обернуться. В ранее пустой библиотеке теперь находились люди. Они стояли тут и там по всей длинной галерее. Ник резко вдохнул от удивления.

Один из мужчин опустил тяжелую ладонь на плечо Джоанны и усмехнулся:

– Почему всякий раз, как мы появляемся в этом времени, непременно обнаруживается, что вокруг кишат крысы?

4

Незнакомцы были монстрами.

Даже если ранее Джоанна испытывала на этот счет некоторые сомнения, то теперь они окончательно развеялись. Обычные люди не сумели бы возникнуть из ниоткуда. Она, должно быть, выглядела точно так же вчера, когда переместилась из утра в ночь.

Семь монстров стояли в галерее в элегантных нарядах начала двадцатого века. Внимание Джоанны привлекли детали: белый шарф поверх темного пиджака, серебряные бусины на голубом платье, черные кожаные туфли, начищенные до зеркального блеска.

– Ты видела это? – прошептал Ник. – Видела, как они появились прямо из воздуха?

– Да, – прошептала Джоанна, ощущая раскаяние, что не может рассказать ему о происходящем и всем сердцем желая сама знать больше.

В памяти снова и снова всплывали слова Рут о жестокости Оливеров.

В повисшей тишине особенно отчетливо прозвучали шаги, медленные и выверенные. В библиотеку шагнул мужчина с лицом как у коршуна, хотя волосы до плеч глубокой чернотой больше походили на вороново крыло.

Схвативший Джоанну за плечо незнакомец сильнее сжал пальцы и сообщил:

– Люсьен, эти два крысеныша находились здесь и видели наше появление.

Она вздрогнула от холодного тона, которым были произнесены эти слова. И от дурного предчувствия. Бабушка предупреждала никогда и никому не рассказывать о существовании монстров. А теперь Ник увидел их собственными глазами. Что это означало?

– Мы... мы работаем здесь волонтерами, – проговорил он. – Помогаем с уборкой и каталогизацией. У нас нет ничего, что бы вам...

Схвативший Джоанну мужчина сильно ударил Ника по лицу.

– Не надо! – вскрикнула она и вскинула руку, будто могла помешать расправе, но почувствовала, как кто-то потянул ее за плечо назад, и отчаянно вцепилась в ладонь Ника.

Он был ранен, по губам текла кровь. Однако неизвестный оказался сильнее и оттащил Джоанну прочь.

Ее возглас привлек внимание Люсьена, который, видимо, являлся не последним человеком среди членов семьи Оливер. Он подошел ближе, схватил девушку за подбородок и заставил приподнять его, игнорируя попытки вырваться как ее самой, так и Ника, которого держали двое мужчин, а через пару секунд объявил:

– Она одна из нас.

– Монстр? – удивленно уточнил кто-то из приспешников.

– Монстр? – ошеломленно повторил Ник, от изумления перестав сопротивляться и широко распахнув темные глаза. – Что?

– Я не... – начала было Джоанна, но Люсьен сдавил пальцами ее лицо, и она вскрикнула от боли.

– Даже не пытайся отрицать. Я вижу твою сущность. Такова способность семьи Оливеров. Ты монстр, а твой приятель – обычный человек. – На последних словах он прищурился, точно заметил что-то еще.

Повинуясь неясному инстинкту, Джоанна проследила за взглядом Люсьена. Он смотрел на ее браслет: простую золотую цепочку с небольшой подвеской в виде лисицы с серебряным языком. Это украшение несколько лет назад подарила бабушка с комментарием: «Символ семьи Хантов».

– Обыскать их, – отдал резкий приказ Люсьен, скривившись.

Двое приспешников бросились исполнять поручение, действуя быстро и эффективно. Один выудил из кармана Джоанны телефон и принялся рассматривать его. Она выхватила свой мобильный и торопливо набрала сообщение Рут: «Оливеры в ХХ», однако не успела нажать «Отправить», так как мужчина выдернул аппарат у нее из рук, быстро пересек комнату и выбросил его, открыв окно. Снаружи донесся отдаленный звон разбитого стекла. Во время суматохи Нику удалось добраться до проводного телефона на столе, но подоспевший помощник Люсьена вырвал трубку.

Пленников силой выпроводили из библиотеки, держа за руки. Джоанна сопротивлялась, упираясь подошвами кед в скользкий, скрипучий паркет, и вопила:

– Пустите нас! – она и сама слышала панические нотки в собственном голосе. – Оставьте нас в покое!

Их притащили в позолоченную палату, которая располагалась через два зала от библиотеки и являлась самым красиво декорированным помещением музея. На бордовых бархатных подушках сверкали драгоценности, на стенах висели картины маслом в роскошных позолоченных рамах, резные листья блестели в свете зажженных ламп.

Там собралось по меньшей мере три десятка человек. Они расхаживали по залу и разговаривали друг с другом, как на коктейльной вечеринке, но тут же обернулись, когда конвоиры втолкнули внутрь пленников. Джоанна особенно остро осознала, насколько непрезентабельно сейчас выглядит: раскрасневшаяся, потная и взлохмаченная. Волосы выбились из хвоста. Ник тоже казался потрепанным: после схватки его темные пряди пребывали в полнейшем беспорядке, а на губах была размазана кровь.

В отличие от взъерошенных пленников, изящный интерьер позолоченной палаты подходил собравшимся членам семьи Оливер как подогнанная по руке перчатка. Они небрежно восседали на обитых бархатом креслах или опирались на стены, обшитые голубым с золотом панелями, с таким видом, будто все вокруг принадлежало им.

Самым угрожающим из присутствовавших казался светловолосый мужчина, который в одиночестве стоял возле огромного мраморного камина – незажженного по теплой погоде. Джоанна с удивлением поняла, что уже видела этого блондина. Именно его портрет висел в библиотеке, только одежда была изображена другая: предназначенная для охоты, эпохи Регентства. Однако холодные хищные глаза остались прежними. В реальной жизни бывший хозяин поместья оказался довольно высоким и с таким же вытянутым лицом, как у Люсьена. Однако, в отличие от него, не напоминал коршуна, а выглядел привлекательным и утонченным.

Джоанна посмотрела на Ника. Тот, похоже, не узнал красавчика с портрета. Да и с чего бы? Кто мог представить, что посторонние переместились в Холланд-Хаус из другого времени? Как бы ей хотелось сейчас ощутить ободряющее прикосновение руки напарника! И еще больше хотелось уговорить его бежать. Вот только куда? Повсюду их окружали Оливеры.

– Эдмунд, – кивнул Люсьен мужчине с холодными глазами. Тот промолчал, но жестом велел приблизиться с таким высокомерным видом, словно был королем. – Мы нашли этих двоих в библиотеке, – конвоиры вытолкнули пленников вперед. – Они сказали, что работают в музее волонтерами. Но взгляни на это. – Люсьен схватил запястье Джоанны и показал Эдмунду ее браслет с подвеской в форме лисы с серебряным языком. – Девчонка родом из семьи Хантов.

Фамилия эхом пронеслась по всему залу. Ее с нескрываемым презрением повторяли, перешептываясь между собой, все присутствовавшие. Джоанна повернулась, чтобы посмотреть на последнего, кто произнес: «Хант», – и увидела своего ровесника, надменного парня с золотистыми волосами. Он стоял возле одного из стрельчатых окон и с явной ненавистью наблюдал за ней.

– Хант, – эхом повторил Эдмунд. В отличие от возбужденных новостью родственников, он оставался спокойным и сейчас изучал Джоанну с высоты своего роста холодным взглядом,

как ученый-энтомолог – особенно редкое насекомое. Затем наконец с легким интересом протянул: – Полукровка. Частично монстр, частично человек. В нашей семье таких убивают еще в утробе матери. Но Ханты любят разных уродцев.

Джоанна потрясенно уставилась на Эдмунда. Она всю жизнь слышала оскорбления по поводу своего рождения полукровкой, но бесстрастный тон и ледяное выражение глаз главы Оливеров почему-то особенно пугали, словно несли прямую угрозу. Не вызвало сомнений, что он не колеблясь убьет ее.

– Что с ними делать? – спросил Люсьен. – Мальчишка видел, как мы появились.

То же самое он сказал в библиотеке. Так, будто Ник представлял собой проблему, которую следует решить. Джоанна начала украдкой оглядываться по сторонам в поисках путей для побега, стараясь не выдавать своих намерений.

Она чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда Эдмунд опустил тяжелую руку ей на плечо и наклонился ближе, пристально изучая, после чего прокомментировал:

– Ты недавно переместилась в первый раз.

Джоанна рассмотрела цвет его глаз – светло-серые, как облака в пасмурный день, – и на несколько мгновений оказалась в плену этого взгляда, точно жертва при виде хищника.

В тусклом свете канделябров, вероятно, только она сумела заметить промелькнувшее на лице Эдмунда удивление, так как единственная находилась к нему достаточно близко.

– Значит, это правда, – тихо пробормотал он. – Ханты хранили от всех секреты.

– Что вы имеете в виду? – прошептала Джоанна. – Какие секреты?

– Брат, так что делать с мальчишкой? – нетерпеливо повторил Люсьен.

– Ты видел наше появление, юноша? – поинтересовался Эдмунд, не отводя пристального взгляда от Джоанны, но потом, к ее разочарованию, все же медленно выпрямился и обратил внимание на Ника.

– Нет! – выпалила она, заметив, что выражение лица мужчины стало хищным, совсем как на картине, и вспомнив о мертвой лисе у него под сапогом. – Нет, он ничего не видел!

Но Ник уже начал отвечать:

– Я... Я видел, как люди появились из ниоткуда.

Джоанна почувствовала, как сердце ушло в пятки. В ушах так и звенело предупреждение бабушки: «Никогда и никому не рассказывай о существовании монстров». Что случится с тем, кто все же узнает о них?

Выходы. Из позолоченной палаты наружу вело пять дверей: две на восток, две на запад и одна прямо в коридор. Но все их загораживали члены семьи Оливер.

– Вот это да, – протянул Эдмунд. – Появились из ниоткуда... Полагаю, это было весьма странным зрелищем. – Слова звучали мягко, даже сочувственно, но его глаза оставались холодными и хищными. – Без сомнения, ты гадаешь, кто мы такие. – Он понизил голос, словно собирался поведать тайну, и прошептал: – Мы монстры и крадем жизни у таких людей, как ты.

– Монстры? – ошарашенно пробормотал Ник.

Он был таким беззащитным, хоть и не подозревал об этом. Человек в зале, полном существ, способных забрать жизнь одним прикосновением. Джоанна не могла на это смотреть.

– Понимаю, о чем ты сейчас думаешь, – проговорил Эдмунд. – Что монстров не существует. Любой бы так подумал на твоём месте. Ведь все, кто узнал о нас, уже мертвы.

Джоанна похолодела от ужаса и дернулась к Нику, но Люсьен перехватил ее.

– Нет! – воскликнула она, вырываясь. – Отпустите его! Вы не можете убить ни в чем не повинного человека!

Происходящее казалось кошмаром. Ник даже не должен был здесь находиться. Он остался в Холланд-Хаусе только из-за позднего появления Джоанны. А теперь... Она задыхалась от отчаяния и чувства вины. Неужели его убьют? Не может быть.

Ник тоже начал вырываться, вскидывая голову, как испуганная лошадь, по мере того как Оливеры все теснее обступали его, а затем выкрикнул:

– Джоанна! Джоанна!

Он сумел отбросить одного из нападавших, но другой небрежно ударил кулаком в челюсть окруженного парня.

Он обмяк, потеряв сознание и стал оседать на пол, но несколько членов семьи Оливеров схватили Ника за руки, не дав упасть, пока один из них наклонил его голову вперед, обнажая затылок. Именно там следовало прикоснуться, чтобы забрать жизнь, по словам бабушки.

– Нет! – ахнула Джоанна.

Только не это! Нет, нет, нет. Она принялась загравленно озираться. На поясе Люсьена висел инкрустированный кинжал с серебряной рукояткой в виде русалки, поблескивавшей глазами из голубой эмали. Не оставляя себе времени на сомнения, Джоанна всем весом навалилась на удерживавшего ее Люсьена. Тот инстинктивно оттолкнул ее.

– Лучше следи за девчонкой, – раздраженно бросил Эдмунд брату.

Тот покраснел и потянулся, чтобы снова схватить Джоанну. Но было уже поздно. Она завладела кинжалом и теперь угрожающе выставила его перед собой, с облегчением увидев, как все вокруг попятнулись, включая Люсьена и Эдмунда. Похоже, монстры так же боялись холодного оружия, как и люди.

– Отпустите его! – велела Джоанна мужчине, державшего Ника. Она понимала, что не сможет сразиться со всеми, поэтому сделала шаг в сторону Эдмунда и с неожиданной для самой себя угрозой в голосе повторила: – Отпустите его!

Эта угроза не была пустой. Если собравшиеся так некстати Оливеры убьют Ника, то тем самым действительно подтолкнут Джоанну к решительным действиям. Она готовилась ранить стольких противников, сколько сумеет, до того, как ее сомнут числом.

– Так-так, – с удивлением приподняв брови, сухо прокомментировал Эдмунд, – кажется, полукровка питает к человеческому мальчишке теплые чувства. Видимо, семейная черта. – Заметив, что Джоанна лишь крепче сжала рукоять оружия, он обратился к Люсьену: – Неосторожно с твоей стороны дать доступ к клинку девчонке Хант, брат.

– Вряд ли она представляет для нас угрозу, – раздраженно протянул после паузы тот, и его длинное лицо еще сильнее вытянулось. Казалось, оно принадлежало не живому мужчине, а изображению на портрете. – Всего один кинжал – ничто против сорока человек.

Джоанна прикинула расстояние до Эдмунда, который отступил к самому камину, подальше от нее, как и все остальные в зале. Теперь она не сумела бы напасть на главу семьи Оливер. Так что же делать? Ник потерял сознание. Несмотря на отчаянные попытки отогнать нарастающую панику, сердце молотом стучало в груди, мешая думать.

– Один против сорока? – повторил Эдмунд. – Звучит довольно неспортивно.

– Неспортивно? – озадаченно переспросил Люсьен.

– Один на один было бы куда честнее, ты так не считаешь?

С этими словами глава семейства Оливеров поднял руку и указал на меч, висевший над камином. Джоанна почувствовала головокружение от охватившего ее страха. Она протирала пыль со старинного клинка много раз. Если верить рассказам экскурсоводов, он являлся точной репликой оружия, принадлежавшего первому владельцу поместья, графу Холланд, которого казнили за пособничество Карлу I.

– А я-то здесь при чем? – непонимающе уточнил Люсьен.

– Подозреваю, что смелую воительницу не удастся убить одним прикосновением, – слегка насмешливо пояснил Эдмунд. – Осмелюсь высказать предположение, что в ней слишком сильно наследие Хантов, – его глаза азартно сверкали, противореча спокойному тону.

Джоанна почувствовала отвращение, и тут услышала, как кто-то еще вмешался в диалог. Она обернулась и с удивлением поняла, что говорил тот светловолосый парень, который ранее с таким презрением повторял ее фамилию.

– Этот фарс слишком затянулся и всем уже наскучил, – лениво процедил он, не меняя небрежной позы перед высоким стрельчатым окном, хотя позади в нише стояло удобное кресло. – Не пора ли уже прекратить его и отпустить девчонку? Пусть она и полукровка, но носит символ Хантов, а значит, они признают ее одной из своих. Вряд ли стоит обострять конфликт с ними ради соревнования.

Этот аргумент нашел поддержку среди других членов семьи Оливеров. Большинство согласно закивали, переступая с ноги на ногу и выглядя сконфуженными. Видимо, только Эдмунд стремился к кровопролитию.

– Аарон, мальчик мой, вот так сюрприз, – по-прежнему спокойно проговорил тот. – Не ожидал, что ты решишь высказать свое мнение. Это твое окончательное слово?

Повисла тишина. Пауза затянулась достаточно, чтобы Джоанна начала надеяться на благополучный исход событий благодаря вмешательству этого Аарона. Начала надеяться, что он поможет им с Ником и положит конец противостоянию.

Но молчание прервал Эдмунд, велев неожиданному заступнику:

– Вон отсюда.

– Но отец...

– Поговорим об этом утром, – непререкаемым тоном отрезал Эдмунд.

Аарон покраснел, но поколебался.

Джоанна попыталась поймать его взгляд и взмолилась:

– Пожалуйста, помогите нам! Не позволяй своему отцу нас убить! – но юноша опустил глаза, а затем, к ее отчаянию, развернулся и вышел из зала. Тогда она снова попыталась воззвать к Эдмунду: – Почему вы так поступаете? – Неужели дело только в том, что Ник видел появление Оливеров? Или еще и в давней вражде между ними и семьей Хант?

– Почему? – глаза Эдмунда казались двумя кусками холодного серого камня. – Потому что это скрасит мой вечер. – Однако Джоанна почему-то вспомнила его удивление при взгляде на нее и упоминание, что ее семья хранит секреты. – И потому, что ты не должна была родиться. – Последние слова он выплюнул с искренним презрением.

Раздался скрежет металла: Люсьен достал меч из держателей и взмахнул им в воздухе так быстро, что Джоанна успела заметить лишь серебряный блеск лезвия. Стало очевидно, что противник умеет обращаться с холодным оружием. Она судорожно стиснула пальцы на рукояти кинжала, не до конца веря, что происходящее – не сон.

В нескольких футах двое мужчин держали обмякшее тело бесчувственного Ника. Он не шевелился и казался уже мертвым. А ведь совсем недавно они целовались.

– За дело, – повелел Эдмунд.

Джоанна вздрогнула от нетерпеливого азарта, прозвучавшего в его голосе, и невольно задумалась: насколько будет больно, когда Люсьен пронзит ее мечом? Будет ли это похоже на тот случай, когда она порезалась ножом и первые пару секунд ничего не почувствовала? Успеет ли она умереть до того, как накроет волна боли? Возможно, Ник тоже ничего не почувствует, так как потерял сознание.

Правда, в последнее не слишком верилось. Эдмунд производил впечатление человека, который наслаждается чужими страданиями.

– Необязательно выполнять его приказы, – попробовала договориться с Люсьеном Джоанна. Она собиралась сказать это спокойно, но слова прозвучали нервно и беспомощно, голос то взлетал, то затихал, как неисправное радио. – Вы же понимаете, насколько ужасно и неправильно все происходящее, – не получив ответа, с отчаянием обратилась она к толпившимся

вокруг Оливерам. – Вы не можете просто стоять и наблюдать за убийством. – Но те лишь отводили глаза.

– Достаточно колебаться, брат, – прорычал Эдмунд. – Положи конец существованию этого выроodka! Или ты ждешь, чтобы кто-то другой оглушил и ее?

Люсьен густо покраснел, повернулся к Джоанне и начал наступать на нее, вскинув меч. Тут же ощутив, как вспотели ладони, она попятилась, слыша скрип ножек кресел по паркету за спиной: люди спешили убраться с пути. Затем воскликнула:

– Это же убийство!

– Тихо! – резко бросил Люсьен и сделал выпад мечом.

Джоанна отпрыгнула назад и сама поразилась, что сумела избежать удара. Но не успела уклониться от второго, который последовал незамедлительно. Лезвие задело бок. Боль накрыла девушку мгновением позже. Она словно издалека услышала собственный всхлип. Из раны полилась кровь, густая и липкая.

Джоанна с отчаянием взмахнула кинжалом, пытаясь достать Люсьена. Он отбил ее руку, врезав по запястью противницы кулаком с зажатым мечом. От резкой боли она вскрикнула, выпустила рукоять своего оружия и была вынуждена тут же пригнуться, чтобы пропустить над собой серебряный клинок. Однако Люсьен действовал слишком быстро, и острое лезвие уже снова летело к выпрямившейся девушке. Она зажмурилась, успев лишь подумать: «Сейчас я умру».

Но удара так и не последовало.

Медленно, очень медленно Джоанна приоткрыла глаза. Кто-то загоразивал ее собой.

Это был Ник. Он перехватил запястье Люсьена, не дав довершить замах, после чего резко дернул руку, поймал выпавший меч до того, как тот ударился об пол, и одним плавным, небрежным движением вонзил клинок в грудь соперника. Джоанна могла только наблюдать за происходящим.

Люсьен широко распахнул глаза, не веря в то, что случилось. На его рубашке возле сердца начало расплываться пятно крови. Ник выдернул меч и снова ударил раненого противника, а когда тот рухнул на пол и замер без движения, вытащил клинок из тела.

После этого в зале воцарилась гробовая тишина. Джоанна слышала только собственное громкое дыхание. Ее грудь вздымалась и опадала, так же как поднималась и опускалась рука Ника, раз за разом вонзавшего меч в сердце Люсьена. Все произошло за считанные секунды – так быстро, что он даже не вскрикнул.

– Ты в порядке? – спросил Ник. Он обернулся к Джоанне и взволнованно обвел ее взглядом, игнорируя присутствующих Оливеров, словно, кроме нее, в зале никого больше не было. – Не ранена?

– Что? – переспросила Джоанна.

Она чуть не выпалила: «Я хотела защитить тебя и даже выхватила кинжал, но не сумела одолеть Люсьена». Затем сосредоточила внимание на Нике и уже не смогла отвести от него глаза. Он выглядел совсем как обычно: квадратная челюсть, широкие плечи, честное выражение лица. Бабушка про таких говорила: «Открытый, как банка горошка».

– Мне очень жаль, – сказал Ник. – Я не должен был позволить этому случиться, но не ожидал, что кто-то успеет меня оглушить.

Джоанна посмотрела по сторонам. Двое мужчин, державших его, лежали на полу так же неподвижно, как Люсьен.

– Как тебе удалось... – начала было она и осеклась, не зная, что говорить дальше. Неужели эти двое тоже мертвы? Ник что, только что убил трех человек? – Они...

– Ты ранена, – прервал он, подходя ближе и наклоняясь, чтобы взглянуть на порез от клинка Люсьена.

Джоанна инстинктивно попятилась и зашипела сквозь зубы: движение вызвало вспышку боли. Ник дернулся, словно собирался сделать шаг вперед, все еще держа опущенный меч с тем же рассеянным видом, с каким держал тряпку для пыли несколькими часами ранее. Даже рукава рубашки остались закатанными до локтя. Джоанна не могла отвести взгляда от парня, с которым провела бок о бок много недель. Которого хорошо знала. А знала ли?

– Кажется, Люсьен владел мечом, – медленно, недоверчиво проговорила она. – Отлично владел.

– Да, довольно опытный фехтовальщик, – согласился Ник, внимательно глядя на нее.

– И ты его убил, – едва слышно выдавила Джоанна, слыша, как изумленно прозвучал ее собственный голос. – Отнял меч и убил.

– Люсьен был довольно опытным фехтовальщиком, – повторил Ник. – Но меня тренировали с детства.

– Тренировали для чего?

– Для того, чтобы убивать монстров.

Джоанна снова попятилась, ощущая со всех сторон недоуменные взгляды Оливеров. Люди ничего не знают о монстрах и уж точно не могут тренироваться, чтобы убивать их. Рут называла Ника помешанным на истории ботаником, а сама Джоанна считала его едва ли не родственной душой.

– Кто ты такой?

– Постарайся меньше двигаться, – вместо ответа сказал он и снова дернулся, словно хотел подойти ближе, но боялся спугнуть. – У тебя кровь из раны течет.

– Кто ты такой? – повторила Джоанна, по-прежнему не в состоянии отвести от него взгляд.

Ник не ответил. Пока она смотрела в его знакомые, темные, спокойные глаза, всплыло воспоминание об одной душной летней ночи, когда они с Рут не могли заснуть.

Тогда кухня попросила бабушку рассказать им сказку о величайшем герое среди людей.

Джоанна отступила назад еще на пару шагов, но наткнулась на что-то и посмотрела вниз. Это оказался ботинок Люсьена. В голову пришла глупая мысль, что обычно людей с такого ракурса не увидишь. Со стороны обувных подметок.

Она представила, как недавний противник поднимается и отряхивает брюки от налипшей пыли. Представила, как он забирает меч у Ника. Но Люсьен по-прежнему не шевелился и лежал с застывшим, точно у куклы, лицом. Совсем недавно он пытался убить Джоанну, а сейчас его пустые глаза таращились в никуда. На груди расплылось кровавое пятно. Перед мысленным взором появился образ: тела Оливеров свалены безжизненными горами по всему поместью.

– Бегите, – сказала она внезапно, хотя сама не знала, что так поступит или к кому обращается. Ее голос прозвучал особенно громко среди всеобщего молчания. – Вы все должны немедленно бежать! – послышались шорохи, люди начали неуверенно шевелиться. Но никто не хотел сделать первый шаг. Но они должны. Просто обязаны. Джоанна почувствовала это с невероятной отчетливостью. – Ну же, быстрее! Выбирайтесь отсюда! Уносите ноги!

– Ну все, с меня достаточно, – объявил Эдмунд, выходя вперед и становясь перед камином.

Джоанна резко обернулась. Она почти забыла о главе семейства Оливеров. Сейчас и его вид, и голос выражали снисходительность, как у отца, чьи дети повздорили. Толпа тут же замерла, точно по щелчку выключателя.

Эдмунд вскинул руку с пистолетом и наставил его на убийцу брата.

– Нет! – с ужасом воскликнула Джоанна, и дуло оружия переместилось на нее.

– Не смей! – отчеканил Ник.

– Не смей? – переспросил Эдмунд, удивленно приподнимая брови.

– Однажды я видел, как ты воровал время у туристки. Прикасался к ее затылку. Вот здесь, в этом месте, – с едва сдерживаемым гневом процедил Ник сквозь зубы и указал на основание собственной шеи. Джоанна пораженно уставилась на него. – Сколько лет ты украл? Двадцать? Тридцать? Сколько жизни забрал у нее?

– Меньше, чем заберу у тебя, – с угрозой в голосе откликнулся Эдмунд.

– Нет, ты больше этого не сделаешь, – пообещал Ник. – Не похитишь время ни у меня, ни у кого бы то ни было еще. Никогда.

– И почему же это? – с почти искренним любопытством осведомился Эдмунд. – Уж не собираешься ли *ты* меня остановить?

– Да.

– Не знаю уж, кем ты себя вообразил, но пистолет по-прежнему у меня, – усмехнулся Эдмунд и сделал вид, что стреляет из все еще направленного на Джоанну оружия. – Бах!

Она невольно отшатнулась, задерживая дыхание.

Ник замер рядом без движения и сжал кулаки.

– Знаешь, что я решил? – продолжил Эдмунд и великодушно объявил: – Решил оставить тебя в живых. – Заметив, что Джоанна облегченно выдохнула, он рассмеялся. – О нет, тебя-то я убью, но его... – вновь переключив внимание на Ника, мужчина мягко, почти нежно сказал: – Ты лишил семью Оливер троих ее членов и заплатишься за это. – Затем задумчиво поводит пистолетом и добавил: – Пожалуй, начну с того, что заберу десять лет твоей жизни и отправлюсь в прошлое, где вырежу всю твою семью. А ты, еще маленький и беспомощный, будешь смотреть. После... Хм, в детях всегда столько нерастрченного времени... После смерти всех родных я возьму тебя с собой и запру в доме, чтобы любой из Оливеров, кто пожелает путешествовать, мог иметь к тебе доступ. Ты будешь умирать медленно, год за годом, месяц за месяцем.

– Это вас следует запереть, – прошептала Джоанна, от услышанного ее тошнило.

Эдмунд быстро вскинул оружие, целясь ей в голову, но Ник оказался быстрее. Он метнул меч, и пистолет упал на пол. Следом повалился сам глава Оливеров. Он медленно осел на колени с торчащим из груди клинком, недоуменно моргнул и открыл рот, будто собираясь что-то сказать. А потом серые глаза стали пустыми и неподвижными. Тело рухнуло навзничь.

На мгновение в зале воцарилась тишина. Затем внезапно, словно кто-то снял плеер с паузы, толпа собравшихся поспешила к выходу, толкаясь и нервно оглядываясь.

– Им не удастся сбежать, – прокомментировал Ник. – Я подал сигнал своим людям, когда все только начали прибывать.

– Своим людям? – шепотом переспросила Джоанна, пытаясь уложить сказанное в голове.

Люди Ника? Вспомнилось, как он метнулся к телефону на столе и что-то нажал прежде, чем трубку отобрали. Значит, сюда уже торопились охотники на монстров? Сколько их?

Джоанна бросила быстрый взгляд в окно. Уже наступила ночь. В стекле отражались лампы и блестящие украшения позолоченной палаты, образуя яркое созвездие вокруг полупрозрачного Ника. Потребовалось несколько секунд, чтобы суметь отыскать и собственное лицо. Еще никогда Джоанна не казалась себе настолько испуганной. Она поспешила принять более спокойный вид, хоть и с трудом. Еще труднее было заставить себя думать.

– Послушай, – голос дрожал, но Джоанна знала, что если сможет подобрать правильные слова, – безусловно точные слова, – то сегодня больше никто не умрет. Нужно просто заставить Ника понять. – Эдмунд, несомненно, был злодеем. Настоящим злодеем. Но другие члены семьи Оливеров выглядели... Ну, ты и сам видел, насколько они боялись. И совершенно не хотели нас убивать. Они обычные люди. Как я. Ну, вернее, мы монстры, но не такие... – Она согнула пальцы, изображая когтистые лапы, и добавила: – Ну, типа: «Р-р-р».

Ник внимательно смотрел на нее. Джоанна почувствовала, как в сердце зарождается надежда оттого, что он слушал, и быстро продолжила:

– В смысле, я бы тогда знала, так? Моя семья со стороны отца – обычные люди. По материнской линии – монстры. Но на самом деле все хорошие и добрые. Когда начинаешь разбираться, то понимаешь, что все хотят одного и того же и не слишком отличаются от прочих. Все любят друг друга. Смеются. Иногда спорят. Но при этом остаются просто людьми. Если ты только поговоришь с ними. Если объяснишь...

– Прости, – покачал головой Ник.

Джоанне потребовалось некоторое время, чтобы осознать сказанное им. Она почувствовала, что спокойное выражение сползает с ее лица. Неужели он собирается убить всех Оливеров?

Не может этого быть. Или может? Однажды Ник поспешил на помощь осе, запутавшейся в занавесках. Он освободил насекомое и выпустил, тогда как остальные собирались ее раздавить. Вот только... Четыре мертвых тела теперь лежали на полу и служили молчаливым подтверждением, на что способен Ник. Будучи невооруженным, он с легкостью прикончил нескольких взрослых мужчин за пару минут.

– Ты действительно собираешься убить всех? – дрожащим голосом спросила Джоанна, а затем ее накрыло ужасное понимание. – И меня тоже? – Она невольно сделала еще шаг назад.

– Нет, – поспешно заверил Ник. – Ты пыталась меня спасти. Я... Я могу обеспечить тебе безопасный проход сегодня.

– Как оказалось, ты не нуждался в моей защите, – вздохнула Джоанна, гадая про себя, испытывал ли к ней Ник на самом деле какие-либо чувства.

– Ты думала, что нуждался, – возразил он.

– Послушай...

– Эдмунд объявил, что ты совершила свое первое перемещение недавно, – перебил ее Ник, его темные глаза стали глубокими и серьезными. – Это произошло случайно? Именно поэтому ты не сумела прийти в кафе вчера и была такой расстроенной, когда явилась в музей? – Когда Джоанна не ответила, в его взгляде промелькнуло отчаяние. – Сегодня я обеспечу тебе возможность покинуть поместье, но без колебаний убью, если ты снова начнешь похищать время у людей.

– Вот так просто? – едва сумела выдавить Джоанна из-за кома в горле. Она вспомнила, как впервые увидела Ника в библиотеке, посмотрела на него и сразу ощутила, будто они знали друг друга всю жизнь. А сейчас в его глазах была всего лишь монстром. – Ты убьешь десятки людей – вот так просто? Даже не попытаешься с ними поговорить, понять их?

– И не только их, – тихо сказал Ник.

– Что? – замерев, переспросила Джоанна.

– Пожалуйста, – вздохнул он, сделав легкое движение к дверям, будто инстинктивно собирался их загородить. – Пожалуйста, оставайся здесь. Я сумею защитить тебя только в том случае, если ты будешь находиться в этом зале.

– Если ты сделаешь хоть что-то моей семье... – Джоанна не смогла закончить предложение.

– Я отправил своим людям сигнал начинать операцию и уже не сумею ее остановить, – сообщил Ник. – Сегодня ночью мы выследим всех монстров в городе.

– Вы не можете... – прошептала она, похолодев от ужаса, и осеклась, несколько секунд не в состоянии вымолвить ни слова. А когда все же справилась с собой, они полились сплошным потоком: – Не верю, что ты ненавидишь нас так сильно. – Перед глазами встала картина, как охотники стучат в дверь бабушкиного дома, как хватают их с Рут и Берти, как ранят их.

– Дело не в ненависти, – после продолжительной паузы отозвался Ник, но так поджал губы, будто и сам не вполне верил в сказанное. – Я убиваю только тех монстров, которые крадут жизни у людей. – На первом этаже хлопнула дверь. Кто-то закричал, и Джоанна вздрогнула. – Пожалуйста, оставайся в этом зале. – Ей показалось, или в голосе Ника действительно прозвуч-

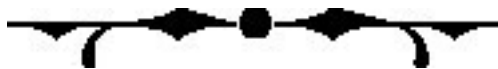
чали эмоции? – Мои люди уже явились. Они повсюду и вскоре займут все соседние кварталы. Ты не успеешь помочь семье, лишь погибнешь вместе с ними. Единственное безопасное место для тебя сегодня здесь.

– Не делай этого, – умоляюще попросила Джоанна. – Не становись тем, кто причинит зло моим родным. Ник, мы же... мы же друзья, разве нет?

– Монстры убили всю мою семью, – тихо откликнулся он. В памяти всплыло его лицо совсем недавно, когда он рассказывал о своем детстве: восемь человек в двухкомнатной квартире. – Я не могу позволить повторение подобного, не могу позволить монстрам вредить людям. Поэтому убью каждого, кто так поступает. Убью каждого, кого обнаружу.

Джоанна устремилась к дверям еще до того, как поняла, что делает.

5

Толстый ковер на полу позолоченной палаты приглушал торопливые шаги Джоанны, и она невольно вздрогнула, когда под подошвами кед закрипели паркетные половицы соседней желтой гостиной. Звук показался слишком громким, оглушительным.

Сбросив обувь, Джоанна крадучись двинулась дальше. Помещение выглядело совершенно не затронутым событиями сегодняшнего вечера. В комнате, являвшейся проходной, вся обстановка была разных оттенков желтого цвета: стены, кресла, даже диван с наваленными на нем подушками в углу.

В сознании кружился рой воспоминаний. Меч в руке Ника. Его слова о том, что монстры убили всю семью. Его губы, касающиеся губ Джоанны. Она потрясла головой, чтобы отогнать образы. Нет, нет. Только не сейчас. Сейчас не время думать обо всем этом. Сначала нужно предупредить родных о приближающейся опасности.

Под диваном что-то блеснуло, привлекая внимание Джоанны. Она наклонилась и достала телефон. Вероятно, один из Оливеров обронил его во время поспешного бегства.

На экране блокировки высветился пароль. Пришлось ткнуть в кнопку вызова экстренной службы. В ожидании ответа Джоанна поднесла трубку к уху. В тишине раздавались тихие звуки поместья: вздохи сквозняка, тиканье часов на каминной полке, потрескивание половиц. И отдаленное гудение какого-то аппарата.

Телефон молчал. Джоанна внимательнее посмотрела на экран и поняла, что сигнала нет. Похоже, что-то его блокировало. Она стиснула бесполезное устройство в ладони так сильно, что почувствовала боль.

Внезапно снизу донесся приглушенный топот. Кто-то бежал. Нет, двое.

Джоанна схватила с каминной полки тяжелый бронзовый подсвечник, который обычно полировала почти час, и осторожно открыла дверь.

Сквозь узкую щель просочилась полоска света, позволяя рассмотреть коридор между библиотекой и старой винтовой лестницей для слуг. Снизу послышался вскрик, который тотчас оборвался. Вновь донесся звук торопливых шагов. Джоанна не могла определить, приближаются они или удаляются.

Она затаила дыхание и в одних носках зашагала вниз по разошедшимся деревянным ступеням, в страхе замирая на месте от каждого скрипа.

Когда послышался еще один отдаленный крик, колени едва не подогнулись. Навалились сомнения, удастся ли выбраться из поместья незамеченной. Ник понимал так же хорошо, как и сама Джоанна, что все двери будут охранять. Его люди знали и о служебных выходах.

Она еще сильнее сжала подсвечник, когда спустилась до конца лестницы, но никого не обнаружила поблизости и продолжила осторожно красться дальше.

Дверь в бельевую комнату была приоткрыта, позволяя увидеть, что внутри все приготовлено к посещению туристов: нарочно выдвинутые ящики комода и открытые шкафчики демонстрировали полки с аккуратно сложенными скатертями и простынями.

Джоанна затаила дыхание и прислушалась. Ничего. Но куда все подевались? Или происходящее было лишь кошмаром? Она могла бы в это поверить, если бы не боль в запястье и рана на боку, откуда текла кровь.

Рядом что-то скрипнуло, заставив беглянку юркнуть в бельевую. Пусто. Следом шла комната для прислуги. Тоже никого. И большая общая спальня. Снова пустая.

Нет, не пустая.

К ужасу Джоанны, в другом конце помещения, рядом с дальней кроватью, стояла Рут. За окном луну скрывали облака, но света оказалось достаточно, чтобы разглядеть бледное лицо двоюродной сестры.

– Что ты здесь делаешь? Тебе нельзя тут находиться, – оправившись от удивления, прошипела Джоанна и сделала несколько шагов к Рут.

– Ты прислала сообщение с просьбой о помощи, – откликнулась та, не двигаясь с места.

Когда Оливеры только появились, Джоанна действительно пыталась написать SMS, пока у нее не выхватили телефон, но, похоже, успела нажать на кнопку «Отправить». Она молчала, не зная, что сказать, так как только этим утром кричала на сестру, называя ту злодейкой и говоря, что не желает ее больше видеть. Однако она явилась, когда самой Джоанне потребовалась помощь.

– И я позвонила всем остальным, – добавила Рут.

– Остальным? Кому? – слова застряли в горле, когда глаза привыкли к темноте в достаточной мере, чтобы различить черные пятна на ковре возле кровати.

– Не подходи, – предупредила кузина, когда Джоанна дернулась к ней. – Стой, где стоишь. Однако та покачала головой, подбежала ближе и ахнула.

На дальней постели распростерлась в неудобной, изломанной позе бабушка. Ворот ее рубашки пропитался кровью, а один из шлепанцев свалился и теперь лежал перевернутым возле затянутой в чулок ноги.

– Нет. Нет, нет, нет.

Джоанна уже направлялась домой, чтобы предупредить родных. Они не могли быть здесь. Это не могло происходить по-настоящему.

На груди бабушки лежало свернутое одеяло. Рут прижимала его обеими руками, поэтому ее поза поначалу показалась Джоанне такой странной – слегка сгорбленной.

– Все мертвы, – произнесла двоюродная сестра, очевидно стараясь сообщить ужасные новости мягко, но ее голос звучал слишком натянуто, механически, как у робота, которого она так хорошо изображала только недавно. – Дядя Огастас. Берти. Тетя Ада. Все.

– Нет, – замотала головой Джоанна, не в состоянии сосредоточиться ни на чем вокруг. Перед глазами все расплывалось и казалось нереальным. Но это было лучше, чем видеть пропитанное кровью одеяло, испачканные руки Рут. – Не может быть.

– Думаю, бабушка умирает, – голос кузины, которая говорила тем же неживым голосом и смотрела остекленевшим взглядом, заставил Джоанну вздрогнуть. – Она потеряла слишком много крови.

– Мы... – она поняла, что и сама говорит неестественно. – Нужно вызвать «Скорую помощь». Да, это следует сделать в первую очередь. А потом...

– Телефоны не работают, – сказала Рут.

– Но мы должны... – пролепетала Джоанна, отчаянно моргая.

– Нет.

Обе девушки вздрогнули, услышав слабый голос.

Джоанна склонилась над кроватью, стараясь отогнать дурноту и не думать о том, что уже почти сочла неподвижно лежавшую в странной позе бабушку умершей.

Рут, стоявшая рядом, горестно всхлипнула.

– Не нужно вовлекать людей, – прошептала бабушка, ее веки затрепетали. Она открыла глаза и добавила: – Поскорее выбирайтесь отсюда.

– Кто это сделал? – требовательно спросила Рут. – Оливеры? Если это так, то я... – она запнулась и нерешительно пробормотала: – Хотя я видела Виктора в саду. И Матео, кажется, тоже.

– Это не они, – сообщила Джоанна.

– Однажды, давным-давно, – едва слышно произнесла бабушка, – жил юноша, которому на роду было написано убивать монстров. Величайший герой среди людей.

– Что? – удивилась Рут, вытирая слезы о плечо. – Ты про ту древнюю сказку? Думаю, ты потеряла слишком много крови и бредишь, бабушка.

– Я сама видела, как он убивает Оливеров, – выдавила Джоанна, сглотнув, и перед глазами снова встала картина: Ник вонзает меч в грудь Люсьена, а потом бросает клинок в Эдмунда.

– Ты видела героя? – резко уточнила бабушка. – А он тебя?

Джоанна помедлила, сомневаясь, как лучше ответить. «Он пощадил меня, потому что я пыталась его спасти. Или, может, потому, что испытывает ко мне чувства, как и я к нему». Она не могла это сказать, поэтому просто выдавила:

– Я сбежала.

– А Оливеры? – спросила бабушка, смерив внучку внимательным взглядом, словно догадывалась, что та чего-то недоговаривает.

– Мертвы. Либо тоже сбежали.

– Мертвы, – безо всякого выражения повторила бабушка и с трудом вздохнула. – Дорогие мои девочки, поскорее выбирайтесь отсюда. Рут, запри двери и открой окно у входа. Да пошире, чтобы вы с Джоанной могли пролезть.

– Но... – голос кухни надломился. – Я не могу тебя оставить. Что будет, если ты погибнешь?

– Тогда ты будешь сожалеть о своей медлительности до конца жизни и попробуешь компенсировать свое горе, никогда больше не закрывая окна и страдая от холода каждой зимой, – слегка улыбнулась бабушка.

Когда она отпускала саркастичные замечания, Рут обычно ворчала, но сейчас ее губы лишь задрожали, а лицо приняло жалкое выражение. Джоанна отвела глаза, так как знала, что сестра ненавидит плакать в присутствии людей.

– Мой бедный птенчик, – гораздо мягче произнесла бабушка и дернула рукой, точно хотела коснуться Рут, но не хватило сил.

– Пожалуйста, – прошептала та. – Позволь мне остаться рядом в твои последние мгновения.

– Не волнуйся, я тебя дождусь, – нежно заверила бабушка и улыбнулась.

Казалось, между ними произошел безмолвный диалог, по окончании которого двоюродная сестра вздохнула, уступая.

– Ну ты и настырная, хоть и совсем старушка, – она обернулась к Джоанне и решительно приказала: – Положи руки на одеяло и прижимай его к ране.

Та придвинулась к Рут и надавила ладонями на шерстяную ткань, насквозь пропитанную кровью. Теплой липкой влаги под пальцами оказалось столько, что было трудно нащупать, где находятся руки кухни.

– Прижимай как можно сильнее, – велела та, отнимая свои ладони от одеяла.

Джоанна послушалась, не до конца веря в происходящее. Наверняка она причиняла боль бабушке, но она не издала ни звука, только поторопила Рут:

– Иди же, дорогая. Я буду здесь, ждать твоего возвращения.

Джоанна не могла отвести взгляд от запятнанного одеяла под пальцами. Кровь заливала все вокруг. Пол. Ее руки. Грудь бабушки.

– Рут может нас слышать? – тихо прошептала та.

Помещение было достаточно большим и служило одновременно и спальней, и гостиной. Кухина сейчас подпирала тяжелым стулом ручки двери в противоположном конце комнаты. Джоанна отрицательно покачала головой и нетерпеливо сдула упавшие на лицо волосы, заметив:

– Тебе не следует разговаривать. Набирайся сил. Сейчас мы откроем окно и вытащим тебя отсюда.

– Чушь, – пробормотала бабушка так тихо, что Джоанна едва разобрала слова, хотя находилась совсем близко. – Я отослала Рут прочь не для того, чтобы впустую тратить время на отдых. – Под одеялами грудь раненой вздымалась и опадала, но рывками, словно приходилось сражаться за каждый глоток воздуха. – Я думала, что еще успею подготовить тебя. Думала, что буду бороться бок о бок с тобой.

– Пожалуйста, побереги силы, – взмолилась Джоанна, не слишком понимая, о чем говорит бабушка.

– Тише, – оборвала та, сверкнув зелеными глазами, такими же ясными, как всегда, несмотря на боль. – Помолчи. И дай сказать мне. Только ты можешь остановить героя, внука. – Джоанна недоуменно уставилась на бабушку. Она, должно быть, бредит. – Мне очень жаль, дорогая, но... – она попробовала сделать вдох и закашлялась.

– Пожалуйста, – прошептала Джоанна, чувствуя себя так, будто держала жизнь умирающей бабушки в своих руках, но недостаточно крепко, и последние секунды утекали сквозь пальцы.

– Рут может нас слышать? – хрипло повторила она наконец, когда отдышалась, хотя попытки говорить явно стоили невероятных усилий. – Двоюродная сестра возилась с одним из дальних окон. Джоанна уже открыла рот, чтобы окликнуть ее, но бабушка остановила внучку, с трудом выдавив: – Нет. Не... надо. Просто... ответь.

– Нет, – покачала та головой.

– Дорогая, тебе угрожает смертельная опасность, – казалось, с каждым произнесенным словом голос бабушки становился слабее, и Джоанне пришлось напрягать слух, чтобы разобрать сказанное. – Все серьезнее, чем кто-либо представляет. Вскоре ты обретишь способность...

– Семьи Хантов?

– Нет, другую, – прошептала бабушка. – Никому об этом не рассказывай, никому не доверяй этот секрет. – Она заметила, что Джоанна посмотрела на кузину, которая все никак не могла открыть окно, и едва слышно добавила: – Даже ей. Никому. Пообещай, что сохранишь все в тайне.

– Но Рут...

– Пообещай, – проскрежетала бабушка, из последних сил поднимая руку и хватая внучку за запястье слабыми пальцами, на одном из которых тускло блестело обручальное кольцо с рубином – того же цвета, что и кровь. – Произнеси вслух.

– Обещаю, – хрипло прошептала Джоанна.

Бабушка с видимым облегчением выдохнула и уронила руку обратно, оставив обернутым вокруг запястья внучки ожерелье: на тонкой золотой цепочке виднелась какая-то подвеска. Они почти сливались с браслетом семьи Хантов.

Внимание Джоанны отвлекла подошедшая Рут. Она опустилась на колени рядом с кроватью и откинула со вспотевшего лба прилипшие пряди.

– Я справилась с окном. – Не получив ответа, кузина осторожно прикоснулась к плечу бабушки, которая лежала с закрытыми глазами. – Теперь мы с Джоанной можем вытащить тебя. Веки раненой так и остались опущенными.

Рут бросила на сестру встревоженный взгляд, дотронулась до щеки бабушки, после чего занесла ладонь над ее ртом и носом.

«Она умерла, – ощутив ужасную пустоту внутри, подумала Джоанна. – Наша жизнерадостная бабушка умерла».

– Но она... – растерянно проговорила Рут. – Она обещала, что дождетя меня.

Джоанна хотела сказать ей что-то ободряющее, но в ушах звенело лишь эхо последних слов бабушки: «Только ты можешь остановить героя». Это звучало похоже на бред.

Донесся приглушенный топот. Интересно, давно он уже раздаётся?

– Рут, мы должны идти, – чувствуя себя в странной рассинхронизации с окружающим миром, произнесла Джоанна, слыша себя будто издалека.

– А? – с трудом сосредоточив на ней взгляд, заморгала кузина, затем медленно положила руку на запястье сестры и сжала. – Эй, хватит.

Джоанна опустила глаза, поняла, что по-прежнему плотно прижимает одеяло к груди бабушки, точно все еще старается остановить кровь, и убрала испачканные ладони. Мышцы ныли от напряжения. К горлу снова подкатывала дурнота. Вид вокруг напоминал о лавке мясника.

Необъяснимо изысканное золотое ожерелье до сих пор обвивало запястье Джоанны. Она коснулась цепочки, оставив темные отпечатки пальцев, а затем вскинула голову, вновь услышав приближавшиеся шаги, и убрала украшение в карман.

Кто-то попытался открыть подпертую дверь. Еще и еще раз, так, что заскрипели петли.

– Рут, – прошептала Джоанна, – мы должны уходить.

– Мы не можем бросить ее здесь, – двоюродная сестра не отводила взгляда от лица бабушки с опустошенным видом.

Джоанне тоже этого не хотелось. Одна мысль о том, чтобы оставить тело на милость людей, ненавидевших монстров, казалась невыносимой. Но бабушка всегда была практичной.

– Рут, она бы сама велела нам уходить. – С каждым новым рывком дверь все больше поддавалась, внутрь из щели уже проникала полоска света. Джоанна схватила кузину за запястье и заставила подняться, наполовину подталкивая, наполовину таща ее к окну. – Мы должны убираться отсюда.

Но от зрелища снаружи обе девушки отпрянули. Между колоннами распростерлось тело женщины с длинными черными волосами. Голубое платье, расшитое серебряными бусинами, блестело в свете выглянувшей луны.

– Я ее знаю, – дрожащим голосом произнесла Рут. – Это Мари Оливер.

Джоанна вытерла лоб тыльной стороной руки и дернула раму. Стекло задребезжало, неохотно поддаваясь. Окно было совсем узким. Открывали ли его хоть раз за последние сто лет?

– Думаю, мы сумеем протиснуться, – вздохнула кузина. – Как считаешь?

Джоанна уставилась на нее. В щель вряд ли пролез бы даже ребенок. Перед глазами мелькнула картинка, как Рут пытается и застрекает, а один из охотников на монстров пронзает ее мечом, как пронзил бабушку. Желудок скрутило узлом от этой мысли. Если кому-то и суждено остаться здесь из-за слишком узкой щели, то это должна быть Джоанна.

Она вскарабкалась на подоконник и попыталась протиснуться между приоткрытой створкой и каменной кладкой. Рассохшееся дерево врезалось в живот. Ничего не получится. Девушка забилась сильнее и почувствовала, что напоролась на какой-то острый предмет. Судя по влажному теплу, из раны на боку снова потекла кровь. А затем Джоанна застряла. В точности так, как себе представляла.словно рыба на крючке для любого, кто пройдет мимо. Эта мысль подстегнула удвоить усилия.

– Черт, – тихо выругалась Рут и толкнула сестру, отчего та едва не вскрикнула от боли. – Проклятье! Никак не получается тебя сдвинуть. Черт, черт, черт! – в голосе кузины прозвучал страх.

Она еще раз толкнула. И еще раз. И снова, налегая всем телом. А потом послышался треск рвущегося платья, и Джоанна совсем не изящно вывалилась наружу. Она лежала несколько мгновений, пытаясь отдышаться и справиться с болью. На земле рядом раскинула руки мертвая женщина. Ее широко распахнутые глаза слепо смотрели в пустоту.

Джоанна почувствовала, что к горлу подкатывает ком. Она зажмурилась на несколько секунд, отгоняя слезы, после чего заставила себя подняться на ноги.

– Дай мне руку, – прошептала она Рут. – Мне придется сильно дернуть.

– Держи, – кузина протянула через щель тяжелый бронзовый подсвечник, захваченный с каминной полки.

– Дай руку, – торопливо повторила Джоанна, запихнув его под мышку. – Быстрее! – Тот, кто убил Мари Оливер, мог находиться прямо за углом. – И осторожнее. Там гвоздь торчит.

– Черт, как узко! – прошипела Рут. – Не думаю, что я протиснусь в эту проклятую щель.

– Протиснешься, – пообещала Джоанна. – Я помогу.

Изнутри донесся громкий треск. Зажглось освещение. Она попыталась схватить руку двоюродной сестры, но та уже отпрянула назад, чтобы встретиться с вошедшими лицом к лицу.

– Рут! – воскликнула Джоанна, больше не заботясь о том, что кто-то может ее услышать. – Рут, лезь в окно! Я тебя вытащу!

– Беги, – приказала кузина непривычно властным и суровым тоном, почти как у бабушки.

– Нет! – возмутилась Джоанна, беспомощно наблюдая, как спальню постепенно наполняют мужчины в черном. Один из них бросился к Рут и схватил ее за запястье. В воздухе мелькнуло лезвие кинжала. – Нет!

Сестра сумела увернуться и выдернуть у нападавшего руку. Противник свалился на пол. Внезапно еще одна фигура в черном метнулась к Рут и вонзила клинок ей в живот. Издав протяжный, полный боли и ужаса стон, она посмотрела на Джоанну через окно.

А затем исчезла. На том месте, где стояла кузина, теперь было пусто.

Наружу выглянул охотник.

– Эй, здесь еще одна! – крикнул он соратникам.

Услышав звон стекла, Джоанна развернулась, пробежала через колоннаду и очутилась в южном саду. Он казался сказочно красивым, совершенно не соответствуя ситуации. На деревьях горели гирлянды, а гортензии белых и кремово-розовых оттенков стояли в цвету.

Джоанна с ужасом поняла, что побежала не туда. Ей следовало свернуть к северу. С южной стороны находилась только открытая лужайка с зеленым лабиринтом.

Ближайший выход лежал прямо впереди через ворота, но тогда будет негде укрыться. Любой охотник сможет заметить беглянку. Она окажется на виду в течение минимум пяти минут при самом лучшем раскладе.

Оставался лабиринт из живой изгороди.

Сзади послышались крики, и Джоанна метнулась прочь по саду, на бегу топчась гортензии. Их аромат, сладкий и свежий, забивался в ноздри. Среди цветов лежали в изломанных позах тела. Даже короткого взгляда хватило, чтобы эта картина намертво врезалась в память. Мужчина с татуировкой в форме русалки на запястье раскинул руки в стороны. Женщина с длинными рыжими волосами безжизненной грудой громоздилась рядом.

Джоанна рискнула оглянуться. Из-за угла поместья появился первый из преследователей. Она торопливо скрылась в лабиринте, гадая, заметили ли ее охотники. Лучше исходить из того, что да.

Она бежала, в спешке налетая на стены из растений, когда пыталась преодолеть повороты как можно быстрее. Бежала и бежала до тех пор, пока не кончились силы, и только тогда была вынуждена остановиться и отдышаться, оперев руки в колени. Хриплые вдохи и выдохи напоминали о последних мгновениях бабушки. О недавнем стоне Рут.

Только сейчас Джоанна осознала, что по-прежнему держит в руках тяжелый подсвечник, точно эстафетную палочку, на ногах все еще нет обуви, а платье порвано в том месте, где зацепилось за гвоздь в оконной раме.

Хотелось лечь и заплакать. О боже, вся семья мертва. Как бы отчаянно Джоанна не желала притвориться, что ничего не произошло. Она представила, что сказала бы сейчас

бабушка, представила ее недоуменное выражение. «Внучка, ты спасаешь свою жизнь. Так беги же, и побыстрее!»

Спотыкаясь, Джоанна продолжила путь.

Неясно, в какой именно момент она стала различать другие звуки помимо своего оглушительного дыхания. Поначалу их можно было принять за шорох листьев живой изгороди на ветру. Но вскоре топот шагов двух пар ног уже сделался безошибочным. Кто-то еще бежал по лабиринту.

Преследователь нагонял жертву. Возможно, они оба находились всего в нескольких поворотах позади.

Периодически прихотливые изгибы лабиринта сводили всех троих так, что их разделяли лишь зеленые стены. Тогда Джоанна отчетливо слышала как прерывистое пыхтение того, кто бежал слишком быстро и слишком долго, так и ровное, размеренное дыхание того, кто явно привык загонять добычу.

Разглядеть же их не позволяли густая листва и темнота. Поэтому никак не удавалось точно определить местонахождение ни беглеца, ни преследователя. Они могли оказаться как за следующим поворотом, так и в десятках извилистых тропинок, уводящих прочь.

Затем звук погони резко оборвался и послышался голос юноши:

– Пожалуйста, не надо.

Джоанна едва не вскрикнула от неожиданности и тут же закрыла рот ладонями. Создавалось впечатление, что говоривший стоял прямо за соседней стеной. Стараясь ступать бесшумно, девушка сделала шаг вперед, но замешкалась в сомнениях. Она не представляла, в какой части лабиринта находилась. Куда ни взгляни, везде наблюдалась одна картина: бесконечные заросли по бокам и темная земляная дорожка посередине. После стольких поворотов направо и налево чувство направления полностью стерлось.

– Пожалуйста, – вновь хрипло выдохнул юноша.

Джоанна прокралась вперед, осторожно заглянула за угол и увидела Аарона Оливера, загнанного в тупик одним из людей Ника. В лунном свете золотистые волосы сына Эдмунда казались почти белыми. На затылке у преследователя чернела татуировка с изображением скалящегося волка. Расслабленная поза охотника говорила об уверенности в своих силах. Он медленно направился к жертве, доставая из висевших на поясе ножен кинжал.

Стоявший лицом к Джоанне Аарон заметил ее и замер. Наверняка он удивился, увидев девушку, которую бросил на растерзание родственников.

«Два шага, – подумала она. – Всего два шага назад – и я снова окажусь в безопасности. Два шага – и меня будет не видно».

И Джоанна сделала два шага. Глаза Аарона расширились от изумления, когда она ударила тяжелым бронзовым подсвечником по затылку охотника. Он покачнулся и обернулся, выглядя удивленным, но невредимым, а затем молниеносно схватил обидчицу за волосы, запрокидывая ей голову, и начал поднимать руку с кинжалом. Однако Джоанна успела первой нанести удар подсвечником в лицо противнику. Раздался отвратительный хруст, похожий на треск сломанных веток, и мужчина зашатался. Она снова взмахнула своим импровизированным оружием, на этот раз целясь в челюсть, и повалилась следом за поверженным охотником, который так и сжимал в кулаке волосы Джоанны. Подсвечник выпал, и она отчаянно принялась шарить по земле, пытаясь отыскать его.

– Он без сознания, – прокомментировал Аарон. – Ты ему неплохо врезала.

Когда Джоанна сумела наконец немного прийти в себя и рассмотреть распростертого рядом мужчину, она невольно охнула при виде его разбитого в кровь лица, положила руки на колени и глубоко вдохнула, пытаясь отогнать дурноту.

Перед глазами возникли ноги Аарона.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – пробормотала Джоанна, после чего отвернулась к живой изгороди и извергла остатки пищи.

Когда приступ прошел, Аарон протянул своей спасительнице руку, хоть и неохотно, явно не слишком горя желанием к ней прикоснуться.

– Отвали, – грубо отмахнулась Джоанна, чувствуя, как все еще сжимается желудок.

– Почему ты мне помогла? – поинтересовался Аарон.

Она сама поднялась на ноги, проигнорировав как вопрос Оливера, так и его предложенную руку. Живот так болел, будто кто-то в него пнул.

– Я не знаю, как выбраться из лабиринта, – наконец сказала Джоанна, старательно не глядя на лежавшего в тупике охотника.

– Я знаю, – отозвался Аарон, а когда заметил, что она на него смотрит, придал лицу более привычное надменное выражение. – Я вырос в этом доме.

«Вырос в этом доме?» – с удивлением подумала Джоанна, не понимая, как такое возможно, но в конце концов решила, что ее это не слишком волнует, и вслух произнесла: – Тогда выводите нас отсюда. – Когда же Аарон схватил ее за рукав, обернулась и рефлекторно добавила: – Не трогай меня!

Сын Эдмунда демонстративно приподнял за ткань руку временной союзницы, показывая, что не касается ее кожи, и сообщил:

– Нам в другую сторону.

– Но нам нельзя возвращаться в поместье, – недоуменно проговорила Джоанна, не сразу осмыслив услышанное.

– Я должен найти отца, – заявил Аарон. – Он позаботится... – он кивнул на лежащего без сознания мужчину. – Об этом. – А заметив непонимающий взгляд девушки, слегка смущенно добавил: – Вне всяких сомнений, тебе больше никто не причинит вреда. Ты спасла мою жизнь, и теперь наша семья должна вернуть долг.

Видимо, Аарон еще ничего не знал. Внезапно ночь показалась слишком тихой.

– Нельзя идти обратно в поместье, – вздохнула Джоанна. – Твой отец мертв.

– Что? – выпустив ее рукав, ошарашенный юноша застыл без движения.

– Твой отец мертв, – повторила она, слишком хорошо понимая его чувства, так как перед глазами до сих пор стояли недавние события: окровавленная бабушка, пронзенная кинжалом Рут... Пришлось зажмуриться, чтобы не полились слезы. – И Люсьен тоже.

– Не может быть.

Джоанна открыла рот, но не нашла что сказать. Мне жаль? Так обычно говорят, когда выражают соболезнования. Вот только ей вовсе не было жаль. Эдмунд хотел, чтобы она своей мучительной смертью развлекла его. А Аарон развернулся и вышел, не помешав этому.

– Все случилось очень быстро, – наконец выдавила Джоанна.

– Ты ошибаешься, – покачал головой собеседник, поправляя запонки, хотя этого вовсе не требовалось: он выглядел опрятным, собранным, аккуратным и совершенно не походил на того, кто только что бежал во весь опор, спасая жизнь. – Ошибаешься.

– Я говорю правду, – вспомнив смерть Эдмунда и глубоко вонзившийся ему в грудь меч, Джоанна протяжно вздохнула, надеясь отогнать новый приступ дурноты.

– Ты думаешь... – Аарон осекся, поняв, что повысил голос, потом явно постарался успокоиться, взять себя в руки, и спустя полминуты снова заговорил: – Ты считаешь, я не знаю, как умрет мой собственный отец? Мне прекрасно известна семейная история. Эдмунду Оливеру предначертана совсем иная гибель и точно не сегодня.

«У нас нет на это времени», – с раздражением подумала Джоанна. Стоять здесь, посреди лабиринта, где люди Ника могли появиться с любой стороны в любое мгновение, было невыносимо. Поэтому она торопливо пояснила: – Тот юноша, человек. Он убил Люсьена, а затем и твоего отца. Теперь его соратники заняли все поместье и охотятся на нас.

– Нас?

– На монстров, – сказала Джоанна и тут же вспомнила, как Эдмунд называл ее выродком, полукровкой. Внезапно ей захотелось закричать. Захотелось схватить Аарона за рубашку и потащить его прочь отсюда. Но лишь он знал путь из лабиринта. – Послушай, моя семья тоже мертва. Бабушка. Они все... – голос оборвался. – Они все погибли. То же самое произойдет с нами, если мы сейчас же не выберемся из парка. Охотники придут и убьют нас.

Аарон уставился на лежащего без сознания мужчину, на его татуировку в форме оскаленного волка, которая отчетливо чернела на коже затылка.

Джоанна не знала, о чем думает спасенный ею юноша, так как не видела его лица. После длительной паузы он проронил:

– В южном саду лежали тела Иветт и Виктора, – каждое слово звучало медленно, точно не желало выбираться на волю откуда-то из глубины. – И на подъездной дорожке. – Аарон поднял голову, внимательнее рассматривая Джоанну, и нахмурился: – Ты что, в аварии недавно побывала?

Она заморгала и опустила глаза, окидывая взглядом свою одежду, о чем тут же пожалела. Все платье пропиталось кровью бабушки и теперь казалось жестким.

– Ты ранена? – спросил Аарон.

– Нет, – ответила Джоанна и только потом вспомнила о порезе от меча Люсьена.

Ну, не так уж все было и серьезно. Во всяком случае, хотелось на это надеяться. Она достала из кармана найденный телефон и переданное бабушкой ожерелье, после чего начала снимать платье.

– Ты что делаешь? – с легким ужасом спросил Аарон.

– Нельзя разгуливать повсюду в одежде, покрытой кровью, – пропыхтела Джоанна, стягивая запятнанное платье, а заметив шокированный взгляд юноши вздохнула, показывая на велосипедки и топик: – Я же не голая.

– А, – только и сумел выдавить Аарон, который так и стоял с напряженным лицом.

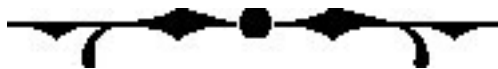
Она скатала платье в ком и засунула его под корни живой изгороди рядом с бесчувственным охотником. Можно считать это посланием: «Дорогой Ник, это я вырубил твоего человека. С любовью, твоя Джоанна».

– Так как отсюда выбраться? – поинтересовалась она, закончив.

Аарон указал вперед. Дождавшись, пока он немного отойдет и повернется спиной, девушка быстро застегнула ожерелье на шее и спрятала его под топик.

Ханты и Оливеры оказались союзниками. Еще недавно семья Джоанны сочла бы это невозможным. «Они ненавидят нас. И это чувство взаимно». Еще недавно, сражаясь с Люсьеном, она и сама была с этим согласна. Но сейчас все изменилось. Ей удалось выжить после столкновения с Оливерами благодаря вмешательству Ника. А затем он сообщил, что представляет собой угрозу для всех монстров. После такого все казалось возможным.

6

Джоанна прошла под увитой листьями аркой с жизнерадостной надписью «Поздравляем, вы преодолели лабиринт!» и очутилась в полной темноте на самом краю территории Холланд-парка. Пушистые одуванчики в высокой траве щекотали голые лодыжки. Никого из преследователей поблизости не было видно.

Отсюда огромное поместье казалось размером не больше ладони, а еще гостеприимным, даже уютным. Окна мерцали желтым, как свечи.

Вставший рядом Аарон в темноте выглядел лишь черной фигурой. Он молча смотрел на дом, в котором вырос.

Во мраке выражение лица последнего из Оливеров было не рассмотреть.

Джоанна нерешительно коснулась его руки. Он не отреагировал, но двинулся за спутницей по направлению к дороге.

Полная света, людей и машин Кенсингтон-Хай-стрит кипела энергией и казалась не вполне реальной после безмолвной темноты лабиринта. Джоанна застыла возле тротуара, наблюдая за совершенно обыденной жизнью: в кафе входили и выходили посетители, по дороге проносились черные кебы.

Взревевший поблизости мотор автомобиля заставил девушку вздрогнуть. Машина тронулась и медленно поехала вдоль улицы, словно пассажиры потерялись или кого-то разыскивали.

Джоанна переглянулась с Аароном, и они оба, как по молчаливому соглашению, отступили в тень подальше от дороги, после чего направились к Кенсингтонским садам окольным маршрутом по узким боковым переулкам, избегая любых машин. Когда невольные союзники добрались до места назначения, то обнаружили, что ворота уже закрыты на ночь. Аарон подсадил Джоанну, помогая ей перелезть через ограждение. Она спрыгнула вниз, отчего в порезе от меча вспыхнула резкая боль, заставляя согнуться пополам, тяжело дыша.

Пару секунд спустя Аарон приземлился рядом и прошептал:

– Как думаешь, кто-то следил за нами?

Джоанна с трудом выпрямилась и так же тихо ответила:

– Не знаю.

В саду царил крошечный мрак. С улицы проникал свет фонарей, но за деревьями уже ничего не удавалось рассмотреть.

– Будь начеку, по ночам полицейские патрулируют парк с собаками, – предупредил Аарон.

– Откуда ты знаешь?

– Тебе действительно требуется удовлетворить любопытство именно сейчас, или мы все же продолжим спасать свои жизни? – нахмурился Аарон.

Джоанне хотелось резко ответить, что ей вообще не слишком нравится компания того, кто бросил ее на верную гибель, но он был прав: не следовало просто стоять и болтать там, где их в любой момент могли настичь.

– Идем к озеру Серпентайн, – предложила Джоанна: луна, отражаясь от поверхности воды, давала достаточно света, чтобы не спотыкаться на неровной земле, не используя при этом фонарики на телефоне.

– Собаки не смогут нас выследить через водную преграду.

– Мы не поэтому... – начала было Джоанна, но замолчала, чтобы не спорить, хотя надменные манеры Аарона постоянно провоцировали такое желание, и вместо этого коротко бросила: – Просто идем.

Они шагали в полном молчании. Носки на ногах девушки быстро пропитались росой, но так было даже лучше: физический дискомфорт позволял отвлечься от душевной боли, побуждал сфокусироваться на настоящем, помогал оставаться мыслями здесь, в парке, а не возвращаться к недавним событиям снова и снова. Не думать об обмякшей на окровавленной постели бабушке. О мертвых людях, распростертых среди цветов. О том полном болиestone, который издала Рут, когда в нее вонзился кинжал. О перекошенном лице Ника, произносящего предупреждение: «Я без колебаний убью, если ты снова начнешь похищать время у людей». Замерзшие и промокшие ноги отвлекали от всего этого.

Когда неяркий блеск озера Серпентайн, вдоль изгибов которого они пробирались через парк, оказался позади, Аарон коснулся руки спутницы, делая знак остановиться.

– В чем дело? – прошипела она.

Кусты в этом месте росли особенно густо, почти как в лесу. Плеск близкой воды доносился из темноты за спиной. Несмотря на физическую активность, Джоанна дрожала от холода и шла, обхватив себя руками в попытках согреться. Она успела испугаться, что Аарон хотел сообщить о погоне, хотя сама ничего не слышала. Рана на боку все еще кровоточила, судя по уже привычному ощущению влажного тепла. Однако казалось не слишком хорошей идеей промыть ее и замерзнуть еще сильнее.

– Ты ранена, – прошептал Аарон.

– Что? – переспросила Джоанна, жалея, что не может рассмотреть его лицо в сумраке.

– Ясно по тому, как ты двигаешься. Пострадала от рук нападавших?

– От рук твоего дяди, – хмыкнула она.

– Насколько серьезна рана? – после едва заметной паузы спросил Аарон.

– Давай просто продолжим путь.

– Не глупи. Так насколько все плохо?

Джоанна перевела взгляд на темное небо, желая, чтобы сейчас рядом с ней находился кто-то другой. Берти или Рут... Пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы остановить поток мыслей о родных. Она схватила край топики и приподняла, показывая рану.

Аарон включил телефон, старательно загораживая свет от экрана собственным телом, и выругался: порез сильно кровоточил, не позволяя рассмотреть, насколько был глубоким.

– Нужно найти место, где можно сегодня переночевать.

– Ты имеешь в виду вдвоем? – с удивлением уточнила Джоанна: она-то предполагала, что их пути разойдутся сразу же, как парк останется позади.

– Если хочешь разделить, то я тоже не против, – Аарон быстро скрыл первоначальное разочарование от ее реакции за привычной надменной усмешкой, которая казалась особенно злобещей в синеватом мерцании телефона.

– Я такого не говорила.

– Поверь, я тоже не горю желанием проводить время с тобой.

– Интересно, тяжело постоянно изображать такого кретина или это врожденный дар? – прокомментировала Джоанна чуть резче, чем планировала.

– Семейная черта, – улыбка Аарона была ледяной и не достигала глаз.

– Думаю, стоит ночевать здесь, в парке, – предложила она, скрипя зубами от раздражения и едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос. – Не хуже, чем любое другое место. – Огромная территория Кенсингтонских садов уж точно могла служить укрытием двум беглецам, если они не станут привлекать к себе внимания шумом. – Можно спать по очереди, пока один караулит.

– Я не собираюсь спать на земле.

– Что ж, ваше высочество, тогда давайте снимем номер в «Савойе», – насмешливо фыркнула Джоанна, не сумев сдержаться.

К ее удивлению, Аарон снял свой пиджак и предложил ей. Она отрицательно покачала головой, не желая принимать одежду от Оливера, как бы ни замерзла.

– Ты вся покрыта кровью, – прокомментировал он.

Джоанна опустила взгляд и поняла, что ее топик действительно сильно испачкан. Как и руки, и ладони. Хотя в основном это была бабушкина кровь.

– Вот, так будет лучше, – вздохнул Аарон, накрывая плечи спутницы своим элегантным пиджаком из светло-серой шерсти. Он оказался велик, но тепло немедленно распространилось по телу, принося чувство невероятного облегчения. Джоанна рассердилась на себя за то, что первым ее побуждением стало поблагодарить высокомерного сына Эдмунда. Тот как раз выключил телефон, отчего ночь вокруг показалась вдвое темнее, чем раньше, и сказал задумчиво, будто всерьез размышлял над предложением о «Савойе»: – Нельзя идти в отель. Мы слишком заметные, особенно в таком виде, и персонал наверняка нас запомнит. Преследователям останется лишь навести справки.

– Я знаю одно место, – нерешительно проговорила Джоанна, пытаясь сообразить, где сейчас находится: кажется, как раз неподалеку бабушка встречалась с людьми, если хотела сохранить это в тайне. – К северу отсюда.

– Там безопасно? – поинтересовался Аарон.

– Не представляю, – призналась Джоанна. – Но, думаю, безопаснее, чем здесь.

Пришлось идти дальше, чем она предполагала, и к тому времени, как удалось отыскать нужную улицу, уже снова стучала зубами от холода. Аарон оглядывался через плечо чаще, чем смотрел вперед.

Фонари вдоль дороги оказались разбитыми, причем совсем недавно: асфальт усеивали осколки стекла.

– Очаровательно, – фыркнул Аарон, брезгливо обходя их стороной. – Ты умудрилась привести нас напрямик к единственным трущобам в округе. Вот и доверяй Хантам.

Джоанна в это время мучительно рассматривала ряды домов, выглядящих абсолютно одинаково, и жалела про себя, что не слишком обращала внимание на обстановку, когда была здесь с бабушкой в прошлый раз. Затем устремилась к одному из зданий с большей уверенностью, чем испытывала, и открыла дверь.

К счастью, она оказалась незапертой, а приемная – крошечное фойе размером с ванную в бабушкином доме – выглядела знакомой. Запах старых сигарет и сырости тоже будил воспоминания о прошлом визите. Ковер прилипал к носкам Джоанны, добавляя коричневые ворсинки к грязи и травинкам.

Она подошла к стойке и нажала на звонок. Из помещения для сотрудников выплыла седовласая женщина в узких очках. Она и глазом не моргнула, заметив состояние одежды странных посетителей. К форменному платью администратора крепилась бирка с именем «Вера».

– Комнату на двоих, пожалуйста, – попросила Джоанна.

Женщина кивнула на табличку со сделанной вручную надписью: «Только наличные. Почасовая или посуточная оплата. Деньги вперед».

– Твоя очередь, – сказала Джоанна Аарону.

Он стоял рядом с кислым выражением лица, на котором ясно как день читалось презрительное недоверие, что обстоятельства привели богатого сына главы Оливеров в эту дыру.

– С двумя кроватями, – вздохнув, добавил он.

– С двумя кроватями? – переспросила Вера, ошеломленная куда сильнее, чем при виде странной пары: одна в носках без обуви, другой – в невероятно дорогом брендовом костюме.

Джоанна почувствовала, как к щекам приливает жар. Аарон тоже выглядел смущенным – впервые с их встречи.

– Полагаю, вы сумеете это устроить, – прокомментировал он, доставая бумажник из заднего кармана.

Джоанна заметила странные банкноты: совсем старые и полупрозрачные купюры. Проглянув их, Аарон достал две привычного вида двадцатки.

Вера пожала плечами, передала ключи с номером комнаты в окошечко и указала на пожарную лестницу со словами:

– Лифт сломан.

– Я бы предпочел спать под мостом, – проворчал Аарон, пока они поднимались по лестнице, и смерил брезгливым взглядом бегущих по стене тараканов.

– Ник точно не станет нас здесь искать, – прокомментировала Джоанна.

– Ник? – переспросил Аарон, искоса посмотрев на нее.

– Я... Я знакома с тем парнем, – тихо сказала она, заметив этот взгляд, и отвела глаза. – Мы были... – Острая боль в сердце – гораздо сильнее, чем от пореза, – не позволила продолжить. Они с Ником целовались прямо перед тем, как все произошло. И это казалось настоящим исполнением мечты. – Мы... работали вместе.

У Джоанны создалось впечатление: по-прежнему смотревший на нее Аарон понимает, что скрывалось за недосказанными словами. Затем он опустил глаза, увидел желтое пятно на потрепанном ковре и скривился:

– Не сомневаюсь, что он не станет нас здесь искать. Никто не поселился бы тут. Даже крысы. Санинспекторы уж точно обходят это место стороной.

Аарон снова говорил со своей обычной раздражающей надменностью, но на одну секунду Джоанна сумела рассмотреть за его высокомерным отношением нечто, чего сама не ожидала: пронизательность и интеллект. Нечто нечеловеческое. Хотя Оливер и не был человеком. Он был монстром. Однако, даже являясь сама наполовину монстром, она не понимала, что это означает.

Лестница закончилась длинным коридором. На стенах красовались отстающие обои, которые демонстрировали несколько слоев более старых узоров: синие в цветочек и желто-оранжевые линии. Края коврового покрытия обтрепались настолько, что торчали отдельные нитки. Похоже, Аарон был прав насчет крыс.

Джоанна нашла дверь с номером, указанным на ключе, и прислонилась к стене, пока спутник сражался с тугим замком. Боль в порезе от меча начала причинять серьезное беспокойство. На пальцах после прикосновения к ране под пиджаком осталась свежая кровь. Вот черт.

Аарон вошел внутрь и включил свет. Загорелась единственная тусклая лампочка, позволяя рассмотреть номер. Две кровати. Отдельная ванная комната с душевой кабиной без занавески и туалетом. Все, что требовалось. Даже лучше, чем Джоанна ожидала.

– Настоящий филиал ада, – пробормотал Аарон, хмуро разглядывая вид из окна – сплошную стеклянную стену высотного офисного здания, – после чего с отвращением задернул шторы.

– Что тебе не нравится? – спросила Джоанна.

– Например, это. – Оливер указал на потолок с коричневым пятном, похожим на облако. – Что это?

– Фреска, – фыркнула она, а когда недовольный Аарон удалился в ванную, принялась обдумывать сложившуюся ситуацию.

Замок, может, и был тугой, но дверь выглядела совсем тонкой и ненадежной.

Джоанна сбросила с плеч пиджак, влезла в пространство между двумя кроватями и принялась толкать одну из них. Сначала ничего не получалось, но постепенно, дюйм за скрежещущим дюймом, удалось придвинуть тяжелый предмет мебели к двери и подпереть им створку. Если повезет, это задержит любого, кто попытается проникнуть в номер. Боль в боку теперь не

утихала и, пусть с запозданием, причиняла ужасные страдания. Джоанна оперлась на кровать, тяжело дыша и проклиная Люсьена.

– Держи.

Раздавшийся совсем рядом голос заставил Джоанну вздрогнуть всем телом. Несколько секунд она видела перед собой лишь жестокие серые глаза Эдмунда, напоминавшие дуло пистолета, а потому инстинктивно оттолкнула их обладателя.

– Как хочешь. Тогда справляйся сама, – произнес он. Джоанна встряхнула головой, прогоняя тень призрака, и поняла, что смотрит на Аарона. С уже знакомой презрительной гримасой он бросил на кровать аптечку для оказания первой помощи и полотенце, поставил рядом миску с мыльной водой. – Что за странный отель: аптечка в ванной имеется, а халатов нет! Ты привела нас точно не в «Савой».

Джоанна наблюдала, как Аарон недовольно поднимает с тумбочки пиджак, и пыталась убедить себя, что боится не его, а его отца. Каким бы заносчивым ни выглядел сын Эдмунда, на самом деле он является трусом. Это самым наглядным образом продемонстрировал его поступок. Пусть юноша и был на голову выше самой Джоанны, но если дело дойдет до противостояния, она сумеет его одолеть.

Аарон, похоже, не заметил, как изучающе она на него смотрит, и устроил целое шоу, демонстративно отряхивая пиджак и вешая в гардероб, после чего процедил:

– Вещи любят аккуратное обращение. Нельзя просто отшвыривать их как оберточную бумагу.

– Сейчас это уже неважно, учитывая обстоятельства, – с трудом выдавила Джоанна, наконец взяв себя в руки.

– Всегда важно выглядеть респектабельно. Мы – лицо наших семей.

Вот только их семей больше не существует. Все родные погибли. Кажется, Аарон вспомнил об этом одновременно с ней и застыл неподвижно, положив руку на дверцу гардероба. Затем закрыл ее чуть сильнее, чем требовалось, и заметил:

– Что ж, вешалки здесь абсолютно неприемлемые.

Джоанна принялась копаться в аптечке. Часть медикаментов явно уже кто-то взял, что было неудивительно, учитывая тип и расположение отеля. Остались бинты, пластыри, антисептик и ножницы.

Разложив все это на кровати, Джоанна села рядом и задрала край топики, а когда Аарон резко зашипел сквозь зубы, пояснила:

– Кровь в основном не моя.

Он подошел и сел на соседней постели. Пространство было такое узкое, что их колени почти соприкасались.

– Что именно случилось в зале? – после продолжительной паузы спросил Аарон.

Джоанна подняла голову и посмотрела на него. До отвращения привлекательный парень с золотистыми волосами, сверкавшими как корона, и в дизайнерском костюме заставлял выглядеть убогую маленькую комнату отеля почти похожей на богемные апартаменты.

– Имеешь в виду, когда ты вышел из позолоченной палаты?

– Да, – после некоторой заминки кивнул он.

– После того, как ты бросил меня на верную гибель?

– Да, – вскинув подбородок, Аарон прямо встретил взгляд Джоанны, явно не планируя просить прощения.

– Ну... – вздохнула она и, давая себе время собраться с мыслями, занялась раной: смочила полотенце в мыльной воде и начала смывать кровь. Было больно. Очень больно. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать. – После этого твой дядя попытался нашинковать меня мечом. Затем мой друг Ник отобрал оружие, сам убил Люсьена и вонзил клинок в сердце твоего отца. – Джоанна опустила полотенце обратно в миску с водой и вспомнила момент ране-

ния. Порез теперь стал отчетливо виден на боку. – Я сбежала и... Нашла свою бабушку. – Голос невольно дрогнул. – Она умирала. Ну а дальше мы встретились с тобой в лабиринте при моей попытке унести ноги с территории поместья. Ты это хотел знать?

– Да, – покраснев, выдавил Аарон.

– И ты думал, что мы стали друзьями, потому что вместе сбежали от охотников?

– Конечно, мы не друзья.

Джоанна едва не рассмеялась. Конечно же нет. Она была наполовину Хантом. И, что еще хуже, наполовину человеком. Эдмунд предельно ясно обозначил отношение Оливеров к данному факту. Чтобы не думать об этом, она разорвала упаковку дезинфицирующей салфетки и протерла рану. Жгло так, словно на боку появился еще один порез.

– Послушай, – нерешительно произнес Аарон, – я знаю, что ты еще совсем новичок во всем этом.

– В каком смысле? – настороженно уточнила Джоанна, отрываясь от перевязки.

– Семейный дар Оливеров – определять с одного взгляда, кем является собеседник: монстром или человеком. А ты... Ты издали пахнешь как машина напрямик с конвейера.

Джоанна снова поняла, что почти ничего не знает об этом странном мире. Ощущение было привычным. Она выросла, постоянно находясь между двумя семьями – отца и бабушки. Наполовину человек, наполовину монстр. Наполовину китаянка, наполовину англичанка. Иногда разница совершенно стиралась. Полукровка. Она не являлась посторонней, но и своей тоже не считалась, стоя на пороге не снаружи, однако и не внутри.

– Ты и перемещалась-то, наверное, всего пару раз, – предположил Аарон.

– Вчера это произошло впервые, – призналась Джоанна. – Случайно.

– О, новорожденный монстр, – усмехнулся он, но тут же посерьезнел, наклонился ближе и впился пристальным взглядом в собеседницу. – Не представляю, чему тебя успели научить Ханты, но ты спасла мне жизнь. Среди нас считается, что подобное требует равной по значительности компенсации, так что я перед тобой в огромном долгу. Конечно, мы не друзья. А нечто гораздо большее – до тех пор, пока я не расплачусь сполна. – В словах Аарона не чувствовалось благодарности, а светло-серые глаза и вовсе смотрели так напряженно, будто Джоанна не спасла его жизнь, а взвалила непосильную ношу.

– Я всего лишь не позволила тому охотнику пырнуть тебя кинжалом, – попыталась откреститься от долга трусливого Оливера Джоанна, которой так же не хотелось быть связанной обязательствами, как и ему самому. – А ты потом помог мне выбраться из лабиринта. Так что мы в расчете. Можешь идти на все четыре стороны.

– Теперь кое-что прояснилось, – фыркнул Аарон.

– И что же?

– Чему успели научить тебя Ханты.

Джоанна совершенно, ни капли не хотела обсуждать свою семью с одним из Оливеров, а потому вновь принялась бинтовать рану, стараясь не обращать внимания на дрожащие руки. Затем намотала сверху водонепроницаемую пленку и отправилась в душ.

Крошечная ванная едва позволяла развернуться. Отражение в зеркале взглянуло остекленевшими глазами. Кровь была везде: на подбородке, на ладонях, на руках почти до локтя, под ногтями, в волосах. Джоанна разделась и вновь начала дрожать от холода.

Всего несколько дней назад они с родными сидели за кухонным столом в доме бабушки и ужинали все вместе. Дядя Гас приготовил чечевицу со свежими помидорами. Рут подпрыгивала на стуле рядом с Джоанной и выпытывала: «Как там поживает твой красавчик с работы?» Тетя Ада тоже хотела узнать: «О чем вообще речь? Ты встречаешься с кем-то, дорогая?» А Берти нетерпеливо поддакивал: «Значит, он симпатичный? Фотографии есть? А как человек-то хоть порядочный?»

Следом перед глазами возникло следующее воспоминание: как Джоанна умоляла Ника не причинять вред ее родным.

Она выкрутила горячий кран на максимум и принялась оттирать кровь. Терла и терла, пока вновь не потекла чистая вода, а кожа не начала болеть, и даже после этого не прекратила. Затем наконец заставила себя выбраться из душа, соскользнула по стенке на покрытый кафельной плиткой пол и подтянула колени к груди. В этом положении порез болел сильнее, но Джоанну сейчас ничего не волновало. Здесь, в тишине, она снова слышала последние хриплые вдохи бабушки, а когда закрывала глаза, то видела мертвых людей, распростертых среди цветов.

Вспомнилась сказка на ночь о величайшем герое среди людей, которому судьбой было предназначено убивать монстров.

Сегодня днем Джоанна так разозлилась на родных. За то, что они лгали ей. За то, что хранили от нее секреты. А теперь вся ее семья мертва. Погибла от рук Ника.

Представив его честное лицо с квадратной челюстью, она еще крепче обхватила колени руками. В фильмах герои постоянно убивали монстров, и когда камера отъезжала от их поверженных тел, никто больше никогда о них не вспоминал.

Но когда ты сам являешься монстром, а тела поверженных противников принадлежат тем, кого ты любил...

Джоанна слепо смотрела перед собой, безразлично наблюдая, как вода стекает по плитке длинными струйками и скрывается в стоке.

Когда девушка наконец вернулась в комнату, Аарон лежал поверх покрывала на кровати без обуви, но полностью одетый.

– Я пытался позвонить в службу спасения, – тихо сказал он и тяжело сглотнул, указывая на зажатый в руке телефон. – Диспетчер все спрашивал, кто я такой и где нахожусь. Спрашивал, выжил ли кто-то еще. Я повесил трубку.

– Думаешь, охотники могли отследить звонок? – испуганно уточнила Джоанна, начиная гадать, как далеко простиралась сеть людей Ника и сколько их всего было.

– Не знаю, – устало пробормотал Аарон. – Я пытался связаться с кем-нибудь из других семей. Никто не отвечает. – Он уронил телефон на кровать и закрыл ладонями лицо. – Кто на нас напал? Как это вообще могло произойти?

Джоанна снова вспомнила ту душную ночь, когда они с Рут ворочались без сна из-за лихорадки. Бабушка сидела с еще маленькими внучками, делая им прохладные компрессы. В воздухе разливался запах надвигавшейся грозы.

– Расскажи нам сказку, – попросила тогда Рут. – О величайшем герое среди людей.

– Что за нездоровое любопытство, – покачала головой бабушка, но при этом она улыбалась.

Возвращая Джоанну к настоящему, Аарон прошептал:

– Все неправильно. Так не должно быть.

– Мне тоже не верится в произошедшее, – вздохнула она, отгоняя мысли о том, как страдали родные перед смертью, как они были напуганы.

– Ты не так меня поняла. Я имел в виду, что события этой ночи не могли случиться. В архивах Оливеров ничего не сказано о нападении. И люди, которые погибли... Их смерти зафиксированы не сегодня. Все неправильно.

Услышав об архивах, Джоанна почувствовала, что перед ней приоткрывается завеса в неизведанную реальность монстров, позволяя одним глазом взглянуть на нечто необъятное и странное: на мир, где будущие события уже случились и стали прошлым, стали частью истории. Вот только...

– Неважно, что сказано в архивах, – медленно произнесла Джоанна. – Все уже произошло. Мы сами это видели.

– Ты что, не поняла, о чем я говорю?

– Нет, – отрезала она, начиная злиться, что Аарона вообще заботит точность каких-то дурацких записей, когда и его, и ее родные недавно погибли. – Эти архивы неверны. Ясно же.

– Ты не представляешь, о чем идет речь, – с возмущенным видом, будто услышал настоящее кошунство, фыркнул Оливер и направился в ванную.

Спустя несколько минут оттуда донесся шум воды.

Джоанна уставилась на потолок, разглядывая коричневое пятно и взвешивая варианты дальнейших действий. Следовало найти другое убежище. Она не слишком хотела задерживаться в обществе Аарона дольше необходимого. Он презирал ее, и чувство было взаимным. Кроме того, Ханты и Оливеры всегда приходились друг другу врагами.

И все же, если откровенно, Джоанна вовсе не желала оставаться сегодня одной и раз за разом прокручивать в голове воспоминания. Даже находиться в компании Аарона казалось предпочтительней, чем думать о последних минутах жизни бабушки.

Душ все шумел и шумел целую вечность. Джоанна закрыла глаза, хотя и не могла уснуть. Часы тикали на стене, отсчитывая секунды. В конце концов вода перестала течь. Вскоре дверь ванной скрипнула, и Аарон зашлепал к кровати босыми ногами.

Джоанна приоткрыла глаза. Как и она сама, Оливер полностью оделся, хотя его рубашка была наполовину застегнута. Мокрые волосы выглядели темно-золотыми.

Они оба готовились бежать в любой момент, спасая свои жизни.

– Нужно будет уходить отсюда, как только рассветет, – заявил Аарон.

Видимо, он тоже обдумывал дальнейшие действия в ванной. Джоанна только теперь поняла, что в глубине души до сих пор надеялась, что завтра все наладится: прилетит отец и заберет ее далеко-далеко отсюда. Но этого не будет. Сейчас для него опасно находиться рядом с дочерью-монстром.

– Думаю, Ник не остановится, пока не убьет нас всех, – едва слышно выдавила она.

– Знаю, – мрачно отозвался Аарон, не поднимая глаз от стиснутых рук. – Тогда у нас нет выбора, верно? Нам придется переместиться во времени.

Джоанна вздрогнула. Эта мысль оглушила ее, как удар колокола. Если перенестись в прошлое, то можно предупредить родных. Можно спасти их всех.

Но тут же вспомнился способ путешествия монстров: для этого требовалось украсть часть жизни у людей. А каждая минута, каждая секунда имела значение. Джоанна не могла себя обманывать. Она бы отдала что угодно, если бы удалось провести хоть еще пару мгновений с бабушкой. С любым из членов семьи. Каждый день был бесценным даром.

Тогда как решиться на перемещение во времени? И сумеет ли вообще Джоанна намеренно лишить кого-то другого этих минут, этих секунд?

Она опустила взгляд на руки и увидела, что они дрожат, но, несмотря на нараставшее внутри чувство неправильности, все же выдавила:

– Хорошо.

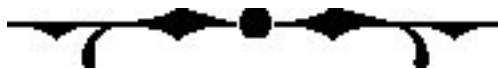
Нельзя так поступать. Украсть жизнь невинного человека способен только монстр. Это было ужасно.

Однако Джоанна загнала это ощущение неправильности так глубоко, что остался только ужас. Если на подобный поступок способен лишь монстр, то она сумеет это сделать, потому что и являлась монстром. Так ведь?

Она подняла голову и встретила взгляд Аарона.

– Хорошо. Мы должны предотвратить случившееся. Мы должны вернуться в прошлое.

7

Джоанна проснулась оттого, что солнце светило прямо в лицо, услышала шорох раздвигаемых штор и проворчала:

– Нет, еще пять минут.

– Вставай, – раздался мужской голос.

Она тут же открыла глаза и резко села на кровати, оглядываясь. Странная маленькая комната с почти голыми стенами. Номер в отеле. Воспоминания о вчерашнем дне нахлынули все разом, затопив с головой. Бабушка мертва. И Берти. И тетя Ада. И дядя Гас. А Рут получила ужасную рану и исчезла с ужасным стоном.

Ник же... Ник виноват во всем произошедшем. Эта мысль врезалась, как удар в живот.

Полностью одетый Аарон Оливер стоял, небрежно опираясь на дверцу гардероба и положив одну руку в карман, а когда заметил, что Джоанна пробудилась, холодно приказал:

– Собирайся быстрее. Мы и так едва не проспали.

– Что проспали? – недоуменно уточнила она.

Аарон выглядел аккуратным и одетым с иголки, хоть и щеголял во вчерашнем костюме. Джоанна посмотрела на себя и убедилась, что сама производит противоположное впечатление. В своем покрытом засохшей кровью черном топике она наверняка казалась отвратительной и грязной.

– Держи, – Аарон бросил ей свой пиджак. После чего разблокировал телефон и отдал его. – И это.

– Зачем?

– У тебя остался кто-то близкий в этом времени? Кто-то из живых?

Джоанна почувствовала, как сжалось сердце.

Она специально отгоняла мысли об отце, потому что всякий раз, как думала о нем, пропадала решимость. Он был частью прежней, привычной реальности, в которой они вместе ходили на пробежки и смотрели фантастические фильмы по вечерам в пятницу, и не знал о нынешнем кошмаре. Они принадлежали теперь к разным мирам, поэтому Джоанна отрицательно покачала головой.

– Как знаешь, – прокомментировал Аарон. – Но это, возможно, последний шанс поговорить с ними.

В свете солнечных лучей непритязательный номер отеля выглядел еще более отвратительным, чем ночью. На ковре виднелись прожженные сигаретами дыры, а на покрывалах – сомнительные пятна. Джоанна постаралась не слишком внимательно к ним присматриваться.

– Только давай быстрее, – поторопил Аарон. – Мы должны быть в Яме через сорок минут.

– В Яме?

– Там мы сможем осуществить задуманное и получить возможность украсть время у людей, – бросив нетерпеливый взгляд, пояснил Оливер, сунул руки в карманы и подошел к окну, поворачиваясь спиной к Джоанне, чтобы предоставить ей подобие личного пространства.

Она посмотрела на себя в камере и убедилась, что на лице не было ни царапины, хотя выражение глаз казалось затравленным. Сойдет. Затем набрала номер телефона.

Аарон переступил с ноги на ногу возле окна, снова вызвав в памяти воспоминание о его отце, Эдмунде, который угрожал выстрелить в голову Джоанне. Но теперь он мертв, Ник метнул меч ему в сердце.

– Алло? – донеслось из телефона.

Она чуть не подпрыгнула и прошептала:

– Пап?

– Дочка! – появилось изображение до боли знакомого, родного лица отца в новых очках с толстой черной оправой. Похоже, он сейчас пил чай у тети Вей Лин: на тарелке лежал намазанный джемом тост, а рядом в пластиковых мисках высились горки лонганов и мангостинов¹. Джоанна почувствовала, что вот-вот расплачется, и закусила щеку изнутри, чтобы сдержать слезы. – Это моя дочь, – сказал папа кому-то вне пределов видимости, после чего послышался голос тети Вей Лин: «Передай дорогой Джоанне привет».

– Привет! – выкрикнул двухлетний кузен Бао-Бао. Изображение ненадолго размазалось и затряслось, потом лицо отца исчезло и весь экран заполнило заостренное личико малыша. – Нихао!²

– Привет, Бао-Бао, – отозвалась Джоанна.

Кузен пролепетал что-то на хакка или мандаринском. Ей не всегда удавалось уловить разницу между диалектами.

– По-английски! – велела тетя Вей Лин. – Джоанна говорит по-английски.

Изображение на экране снова смазалось, и несколько секунд было видно только потолок, на котором медленно вращался большой вентилятор, затем быстро мелькнул стол, заставленный чашками с кофе и тарелками с яйцами, после чего опять появилось улыбающееся лицо отца.

– Хорошо проводишь время в Лондоне? – спросил он. Джоанна заставила себя кивнуть. Ей ничего сейчас так не хотелось, как оказаться вместе с ним в доме тети Вей Лин, лакомиться вместе со всеми фруктами, есть тосты с джемом и пить кофе, больше напоминавший по вкусу слегка подкрашенный сахарный сироп. – Сегодня мы собираемся в то кафе с морепродуктами, где тебе так понравились крабы.

– В следующий раз приезжай на каникулы сюда! – прокричала невидимая сейчас тетя Вей Лин, и папа рассмеялся.

– Чем еще занимался? – спросила Джоанна и принялась с завистью слушать рассказ отца о вчерашнем походе в парк с птицами.

Бао-Бао видел казуара и теперь пытался показать размеры этой огромной птицы из Австралии. Назавтра они собирались поехать на лодке к острову.

Джоанна старалась улыбаться в нужных местах и отчаянно мечтала, чтобы этот разговор никогда не заканчивался.

– Ты сегодня такая тихая, – заметил папа.

Аарон снова нетерпеливо шевельнулся возле окна. Джоанна быстро на него посмотрела и увидела, что он жестом показывает завершать звонок.

– Только что встала и еще не успела проснуться, – она заставила себя улыбнуться, а потом с трудом выдавила: – Мне пора, пап. Просто хотела немного поговорить.

– Конечно, – сказал отец. – Созвонимся чуть позднее?

Джоанна кивнула, хотя больше всего хотела крикнуть: «Не отключайся! Давай будем беседовать вечно!» И еще больше хотела предупредить его: «Не позволяй никому прикасаться к своему затылку». Но это бы прозвучало безумно.

Если попробовать рассказать отцу про монстров, может, он поверит, а может, и нет. Но в любом случае начнет беспокоиться и позвонит бабушке, а когда не сумеет связаться с ней, вероятно, даже решит вернуться и тем самым подвергнет себя огромной опасности. Нельзя этого допустить.

– До скорого, – улыбнулся папа.

¹ Лонган, мангостин – тропические фрукты, распространенные в странах Юго-Восточной Азии.

² Нихао (с *кит.* ##. [níhǎo]) – здравствуйте.

– Пока, – едва сумела выдавить Джоанна и завершила звонок.

На потемневшем экране отражалось ее лицо, и она перевернула телефон обратной стороной, не желая смотреть на себя.

– Теперь матери? – спросил Аарон, подходя ближе. – Или она была в поместье вчера вечером?

– Она умерла, когда я была еще совсем маленькой, – ответила Джоанна, вытирая слезы. – А ты будешь кому-нибудь звонить?

Аарон покачал головой и позвал:

– Идем.

Джоанна ошарашенно заморгала. Неужели у него совсем не осталось родных? Или друзей?

Они прибыли к пункту назначения сразу после десяти.

– Яма, – прокомментировал Аарон.

– Это Букингемский дворец, – возразила Джоанна.

– Нет, это выгребная яма людских страданий и воровства, – поправил ее спутник и тут же неприязненно поджал губы, получив локтем в живот от туриста. – Вкратце, яма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.